

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

Тезисы докладов и сообщений

Одиннадцатой международной научной конференции

(26–27 октября 2023 г.)

Омск
ОМА МВД России
2023

УДК 340(082)
ББК 67.0
О-59

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (*председатель*);
Д. В. Попов — кандидат философских наук, доцент (*зам. председателя*);
Г. Ч. Синченко — доктор философских наук, профессор;
А. А. Морозов — кандидат исторических наук, доцент (*отв. секретарь*).

О-59 **Онтология и аксиология права :** тезисы докладов и сообщений Одиннадцатой междунар. науч. конф. (Омск, 26–27 октября 2023 г.) / под ред. С. К. Бурякова. — Омск : Омская академия МВД России, 2023. — 116 с.

ISBN 978-5-88651-830-6

В сборнике представлены тезисы докладов, раскрывающие сущность и закономерности развития правовой реальности, познания права, вопросы соотношения права, морали и религии.

Материалы, представленные в сборнике, адресованы философам, социологам, культурологам и всем интересующимся проблемами философии права.

УДК 340(082)
ББК 67.0

РАЗДЕЛ I. БЫТИЙНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

К. А. Даллакян

(г. Уфа)

Право — мера свободы и справедливости или человечности?

Современный этап социокультурного и научно-технологического развития актуализирует необходимость введения нового типа правопонимания — гуманистического, согласно которому право является мерой человечности, а не свободы и справедливости, как утверждает либертарно-юридический тип правопонимания. Свобода и справедливость, оставаясь основными ценностями современного права, должны быть сегодня, в эпоху наступающего трансгуманизма, подчинены более универсальной ценности — человечности.

Современный этап эволюции человечества, характеризуясь не только беспрецедентным научно-технологическим прогрессом, развитием искусственного интеллекта, все более расширяющим свои возможности, но и симулякризацией человеческих ценностей и смыслов, превращая людей в «постчеловеков». Гипертрофированная власть денег в эпоху четвертой научно-технической революции превратила человека не просто в раба, а в «раба-робота», слепо и беспрекословно выполняющего технoinструкции бесконечно множасьейся бюрократии. Это актуализирует вопрос об определении сущности права в сложившейся реальности. Является ли оно волей господствующего класса или все-таки мерой свободы и справедливости?

Свобода и справедливость как ценности права утвердились в основном в греко-римской цивилизации. Свобода становится главной ценностью при рабовладении, так как люди, попавшие в рабство и ставшие практически вещью хозяина, начинают ценить свободу больше жизни. На Востоке же, как известно, рабовладения не было, вся деревня была собственностью хозяина, поэтому традиционные ценности семьи и рода

сохранялись. Высшей ценностью там была не свобода, а благополучие. Дальнейшее утверждение Свободы и Справедливости как ценностей права произошло в западном капиталистическом обществе, сакрализирующем частную собственность. Именно свобода личности и справедливость законов могли обеспечить развитие общества.

Однако в условиях современной глобализации, тотальной цифровизации и коммерциализации социального бытия, развития искусственного интеллекта возникает угроза существования человека. Свобода и Справедливость сегодня могут подвести его к самоуничтожению. В этих условиях право должно выступать в качестве меры человечности, так как основной задачей современности является сохранение жизни на Земле. Такое правопонимание мы называем гуманистическим.

Посткапитализм, претендующий на контроль за информацией и поведением людей, ведет к разрушению существующего мирового порядка. Трансформация государства в глобально-цифровом обществе, контролируемом транснациональными корпорациями, реализуя политику глобализма, приводит к превращению права из воли господствующего класса в волю структур, владеющих и управляющих информацией. Это обязывает институты гражданского общества к трансформации в целях контроля и управления информацией.

Грядущее общество, на наш взгляд, вряд ли можно будет назвать человеческим, так как обычным, простым людям уготовлена участь жестко контролируемых техно-социальных существ. Социальные «рейтинги благонадежности» граждан, тотально управляемых государством посредством современных технологий, устанавливают контроль за поведением и мыслями граждан. Такое общество нельзя будет уже назвать капитализмом, так как главным объектом присвоения будет уже не труд, а потребности, мысли и поведение человека. Не капитал становится господствующей силой, а власть, поэтому мы называем грядущее общество «поверизмом» (от англ. *power*).

В этих условиях особенно важны новый тип правопонимания и новая цивилизационная парадигма [1, с. 84–101]. В качестве новой цивилизационной парадигмы мы предлагаем поликультурный энвайронментализм, предполагающий культурную интеграцию стран, взаимодополнение социокультурных ценностей различных этносов, учет особенностей их образа жизни, обусловленного спецификой окружающей среды с ориентацией на гармоничную включенность в глобальную экосистему [1, с. 223]. Такая парадигма утверждает гуманистический тип правопонимания, где

право понимается уже не как мера свободы, за которую могут выдать все что угодно, а как мера человечности, представляя собой волю гражданского общества, развитие которого является важнейшим условием эволюции права.

Гуманистический тип правопонимания включает в себя такие ценности, как свобода и справедливость, но подчиняет их более универсальной ценности — человечности, которая, в отличие от свободы и справедливости, в различных культурах понимается одинаково всеми людьми. Даже животные, растения и экосистема в целом, как показывают исследования, своим отношением к доброму поведению людей подталкивают нас к человечности. Поэтому поликультурный энвайронментализм, исходя из интересов сохранения биосоциосферы, предполагает интеграцию усилий человечества, ориентируя их на созидание, а не на разрушение нашего социоприродного ойкоа. Глобализация как возникновение единого мирового пространства, в отличие от глобализма, должна не мешать, а содействовать этому процессу.

Список источников

1. Даллакян К. А., Даллан А. К. Новая цивилизационная парадигма. М., 2016.

С. А. Денисов

(г. Екатеринбург)

Задачи философии конституционализма

Философия конституционализма — это раздел философии, изучающий идею конституционализма и ее воплощение в жизнь. В задачи философии конституционализма входит разработка самой его теории, опирающейся на ценности социократии (господства общества над аппаратом государства), верховенства прав и свобод человека и гражданина, демократии, республики, децентрализации власти, правового государства. Она объясняет возникновение этих ценностей и необходимость их распространения в мире. Это обоснование может быть материалистическим (развитие экономики и социальной структуры общества) или основанным на идеализме (развитие духовной культуры общества). Философия конституционализма противостоит антиконституционным идеям этатизма, великодержавия, вождизма, традиционализма, консерватизма всех мастей. Она вырабатывает наиболее общие (предельные) понятия, необходимые для формулирования теории: народ, масса, гражданин,

подданный, конституционное и доконституционное государство и право, правовое и полицейское государство, гражданское общество и общество граждан. Часто они выступают в виде антиномий.

Философия конституционализма обращает внимание на развитие идеи конституционализма от несмелых предложений ограничения воли монарха до требований полного подчинения государства воле общества. Другой ветвью формирования концепции конституционализма выступает зарождение идей о ценности человека и выделении его из общества. Сегодня эта идея превратилась в цельную теорию верховенства прав и свобод человека и гражданина, которая постепенно становится все более универсальной.

В ходе развития концепции конституционализма возникает много ее разновидностей. Движение вперед происходит путем проб и ошибок. Часто политики и служилая интеллигенция предлагают ложные модели конституционализма (советский, исламский конституционализм). Задачей философии конституционализма является разоблачение ложности этих теорий. Философия конституционализма вступает в острый конфликт с философией государственного права, которая понимает под правом приказы, исходящие от государства. Если философия государственного права выстраивает цепочку «государство — государственное право — общество», то для философии конституционализма отношения между явлениями выглядят как «общество граждан — конституционализм — демократическое государство — конституционное право — конституционный строй общества». Общество само себе дает право через демократическое государство, а может быть и минуя его, через конституционный конвент.

На основе теории конституционализма философия строит понятие конституционного права, которое следует отличать от доконституционного государственного права. На базе построенной идеальной научной модели конституционного права мы можем давать оценку действующему в той или иной стране праву (официальному и реальному), а также выявлять степень конституционализации международного права (декларированного и реально действующего).

Философия конституционализма в своей онтологической части изучает процесс конституционализации мира, т. е. его движение от доконституционного строя к конституционному. Очевидно, что этот путь не может быть линейным. Многим хотелось бы завести его в тупик, сбить страны с конституционного пути. Философия конституционализма вынуждена обращать внимание на явления имитации конституционализ-

ма, при которых форма выдается за содержание. Историю человечества последних 400 лет можно рассматривать как борьбу конституционных и антиконституционных идей.

Философия конституционализма — это общемировая (универсальная) наука, изучающая конституционализм как мировое явление, имеющее разные виды и формы в разных странах. Развитие человеческой цивилизации приводит к формированию общемирового конституционного права. Конституционализм становится космополитической теорией и идеологией. Со второй половины XX в. можно говорить о разделении мира на две локальные цивилизации (конституционную и доконституционную), которые вступили в борьбу между собой. Конституционная цивилизация явно наступает и побеждает. Страны доконституционной цивилизации перешли к политике обороны и изоляционизма.

Несмотря на применение метода абстракции, философия конституционализма может решать ряд прикладных задач, а именно, определение стадии развития, на которой находится мир и отдельная страна (страны) в процессе освоения конституционных ценностей. Эти оценки должны быть основанием для выработки стратегии и тактики борьбы за конституционализм. Н. Бердяев пишет: «Настоящий призванный философ хочет не только познания мира, но изменения, улучшения, перерождения мира» [1, с. 100]. Философия конституционализма должна указать на движущие силы конституционализма и основных его противников, выявить основные факторы, способствующие этому движению и мешающие ему. Философия конституционализма нужна, прежде всего, конституционалистам (не путать с государствоведами). Она дает им картину мира и позволяет сориентироваться в пространстве, понять их роль в этом мире, правильно выработать цели и задачи борьбы за конституционализм. Развивая идею о роли бытия и сознания, философия конституционализма должна определить значение доктрины и идеологии конституционализма в преобразовании мира.

Всякая философия обобщает человеческие знания в той или иной области. Перед философией конституционализма стоит задача обобщения фактов истории и знаний различных гуманитарных наук (конституционного права, политической экономии, политологии, социологии, культурологии, антропологии, психологии) о движении мира к конституционному строю и препятствиях, возникающих у него на этом пути.

Философским является вопрос о способности мира и отдельных стран перейти к конституционализму. Так ли неизбежен конец истории движения к конституционализму? Естественно, философия должна от-

ветить на вопрос о роли закономерностей и случайностей в движении мира на протяжении последних 400 лет от архаики к конституционному строю, от природного состояния человека («человек доконституционный»), встроенного в разного рода иерархии, к достаточно свободному «человеку конституционному».

Философия стремится быть учителем и наставником человечества [2, с. 12]. Философия конституционализма распространяет гуманистическое мировоззрение, указывает пути освобождения личности от оков авторитарного государства, средства ликвидации отчуждения человека от общества, от политики и государства.

Таким образом, философия конституционализма дает конституционалистам концепцию конституционного права и обосновывает его необходимость.

Список источников

1. Бердяев Н. Мир философии. Книга для чтения. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М., 1991.
2. *Философия* : учеб. пособие для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 2001.

Ю. П. Денисов

(г. Омск)

Ценностные основы государственного управления в Российской Федерации

Изучение ценностных основ государственного управления в Российской Федерации оказалось в фокусе исследовательского интереса широкого круга представителей различных областей социально-гуманитарного знания. Актуализации данной проблемы способствуют кардинальные трансформации «контуров привычного миропорядка», «тектонические изменения в мире», оказывающие «коренное влияние на правовую политику государства, на ценностно-мировоззренческие и методологические подходы в правопонимании» [1, с. 2]. С одной стороны, острую потребность в поиске ценностных основ и оснований государственного управления в Российской Федерации порождает сложившаяся геополитическая конъюнктура и ход начавшейся 24 февраля 2022 г. специальной военной операции, демонстрирующей экзистенциальную сущность вызовов и угроз, стоящих перед российской государственностью. С другой стороны, запрос на исследование аксиологических аспектов государ-

ственного управления формирует развернувшаяся в мире новая технологическая революция. Одним из ее результатов стала простимулированная в результате пандемии новой коронавирусной инфекции тотальная цифровизация всего спектра коммуникативных практик, видоизменяющая систему государственного управления и механизм взаимодействия органов публичной власти с населением. Изменения, происходящие под влиянием указанных факторов, настолько серьезны, что неизбежно возникает вопрос о смене самой парадигмы государственного управления.

Следует отметить, что современные ценностные основы государственного управления в России сформировались во многом в результате развития политико-правовых процессов, начавшихся с подписания в Беловежской пуще 8 декабря 1991 г. Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. Резкий уход в прошлое марксистской монопарадигмы, составлявшей ценностный базис советского государственного управления, породил ценностный вакуум, который стал быстро заполняться. Распад прежней системы «означал не только разрушение социалистического государства и права, но и становление, последующее развитие новой государственности на основе западных ценностей либерального глобализма» [2, с. 8]. Новаторскими для теоретического и ценностного осмысления российской системы управления стали теория рациональной бюрократии М. Вебера, неовеберианские концепции, теоретико-методологические постулаты В. Вильсона, Ф. Тейлора, А. Файоля и ряда других выдающихся иностранных ученых, создававших свои труды на рубеже XIX–XX вв. Вместе с тем неовеберианская парадигма государственного управления оказалась перед лицом кризиса задолго до широкого распространения в нашей стране. Ценностную основу происходящих на западе в 80–90-е годы прошлого века преобразований составила пришедшая ей на смену парадигма «New Public Management» (NPM), предполагающая формирование сервисно-менеджеральной модели государственного управления [3, р. 13], ключевыми ценностями которой оказались экономическая эффективность и удовлетворенность потребителя государственными услугами. Они нашли свое отражение в российском государственном управлении, в частности, в разработке многочисленных показателей эффективности, процессах оптимизации, нормативно-правовом закреплении понятий «государственная услуга» и «муниципальная услуга», развитии системы оказания государственных и муниципальных услуг.

Однако характерными чертами ценностно-смыслового содержания сервисно-менеджеральной модели стали восприятие работы органов

публичной власти в качестве части сферы услуг и распространения потребительского отношения к ним, недоучет институциональной и социокультурной специфики страны, второстепенность решения социальных проблем, эрозия роли государства в общественных отношениях. Реакцией на них стало внедрение в практику публичного управления парадигмы «Good Governance» [4, с. 52–53]. Данная парадигма сконцентрировалась на идеях и ценностях партнерства и инклюзивного взаимодействия, в рамках которого органы публичной власти принимают решения совместно с другими секторами общества, ориентируясь на человека и на интеграцию автономных возможностей граждан и юридических лиц в механизм функционирования публичной власти.

Укреплению ценностей партнерства государства и общества и инклюзивного взаимодействия в целом способствует и процесс цифровизации государственного и муниципального управления, технологически и технически облегчающий коммуникацию между публичной властью и обществом. Однако в условиях введения режима военного положения на части территории Российской Федерации и различных уровней реагирования и готовности на всей территории страны, увеличения числа диверсионно-террористических акций, возрастания геополитических рисков и угроз ценностные основы государственного управления нуждаются в усилении мобилизационных, консолидирующих и патриотических компонентов. В данном контексте как никогда важно обеспечение функционирования системы государственного управления на основе ценностей, закрепленных в Конституции РФ и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Вместе тем представляется продуктивным использование парадигмальных моделей цифрового государственного управления, созданных в Китайской Народной Республике и ряде других восточных государств, с учетом правовых, исторических, духовно-культурных, социально-экономических, политических и иных особенностей нашего государства и общества. Ценностная основа этой парадигмы предполагает сочетание ценностей коллективизма, централизации власти, смирения и деятельного служения общему благу с ценностями научно-технического прогресса, равенства возможностей, социальной справедливости, свободы и осознанного участия граждан в реализации публичной власти посредством новых достижений информационно-коммуникационных технологий.

Список источников

1. *Кабышев С. В.* О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное право. 2023. № 2.

2. *Колюшин Е. И.* Ценности правды в государственном конституционном праве России // Конституционное право. 2023. № 2.

3. *Denhardt J., Denhardt R.* The New Public Service: Serving, not Steering. New York, London, 2007.

4. *Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А.* Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // *Ars Administrandi*. Искусство управления. 2014. № 2.

Е. В. Киричѐк

(г. Москва)

Оптимизация понимания сущности человеческого достоинства

Биосоциальная сущность индивида напрямую связана с его потребностями и интересами. Такая постановка вопроса имеет важное значение, так как она очень тесно соприкасается с человеческим достоинством, которое выступает необходимой доминантой в осознании природы социального государства. Ценностный смысл, заложенный в понимание достоинства личности, очевиден. Другое дело, рассуждения о том, какой это смысл — экзистенциальный или моральный. Как представляется, экзистенциальность здесь проявляется в большей мере, именно она придает личности достоинство, а не представляет его как объект. Право, в свою очередь, создает представление о достоинстве человека как одной из центральных категорий в правовой системе. В современной отечественной и зарубежной юридической науке и практике категория «достоинство» наиболее отчетливо стала проявляться со второй половины XX в., хотя такой интерес и по сей день не привел к четкому определению границ юридического содержания данного понятия.

Достоинство, согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, представляет собой определенный набор высоких моральных качеств, включая их уважение к самому себе [1, с. 177]. Охрана и защита человеческого достоинства, как и жизни, не может быть поставлена в зависимость от какого бы то ни было статуса личности, его возраста, пола, убеждений и т. п. Упоминание в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ слова «ничто» подразумевает, что никакие обстоятельства, в том числе негативная характеристика личности в общеизвестном понимании, военное положение, болезнь, и т. п., не могут являться основанием для умаления достоинства.

Л. К. Рафиева, например, рассуждая на тему неимущественных прав, ставит право на достоинство в зависимость от конкретного юридического факта. При этом исключает в качестве основания для возникновения права на достоинство юридический факт — факт рождения, а его появление связывает исключительно со способностью человека осознавать себя как личность (совершать социально значимые поступки) [2, с. 60].

Бесспорно, осознание индивидом достоинства наступает по достижении определенного возраста. Но этот вывод вовсе не говорит о том, что, например, малолетние дети или лица, страдающие психическими заболеваниями, лишены возможности пользоваться правом на человеческое достоинство. Просто для указанной категории лиц, как и для любых других, «безусловным и непререкаемым должно стать право ... жить в условиях, достойных человеческой природы» [3, с. 30].

Идентичные положения можно встретить и в ряде правовых документов (ст. 17 Конституции РФ, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, преамбуле и ч. 1 ст. 23 Конвенции о правах ребенка, ч. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ, ст. 150 Гражданского кодекса РФ), анализ которых позволяет заключить, что первостепенным здесь является не факт осознания достоинства, а сам факт существования человека.

Достоинство личности выступает как субъективное право, потому что, во-первых, принадлежит субъекту как его носителю, а во-вторых, дает ему определенную правовую возможность, которую он может использовать по своему усмотрению. Это субъективное право подразумевает не только гарантию государства по его обеспечению, но и обязанность других лиц воздерживаться от совершения поступков, умаляющих достоинство человека, за что может наступить уголовная (ст. ст. 128¹, 282 УК РФ), административная (ст. 5.61 КоАП) и гражданская ответственность (ст. ст. 151, 152 ГК РФ). А в тех случаях, когда сведения, порочащие честь и достоинство личности, распространены в средствах массовой информации, можно требовать опровержения в установленном нормативными правовыми актами порядке (ст. ст. 43–46 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

И. А. Кравец, повествуя о взаимосвязи достоинства человека с правами, свободами и обязанностями, определяет человеческое достоинство через категорию не только личного, но и социального, а также публично-капитала, выступающего своего рода средством, оказывающим влияние на реализацию прав и свобод, исполнение обязанностей, а также на социальную деятельность государства в целом [4, с. 44].

Важно одно, что и сама жизнь, а также достоинство, права и свободы человека и др. относятся к категории «традиционные ценности», защита которых является важной мерой государственной политики России [5].

Хотя сегодня права и свободы человека и гражданина все чаще выступают средством манипулирования общественным сознанием, а «доктрина прав человека», как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин на встрече с обновленным составом Совета по развитию гражданского общества и правам человека, «используется Западом для разрушения суверенитета государств, а также для оправдания политического, финансово-экономического и идеологического доминирования» [6].

Таким образом, следует заключить, что наиболее отчетливо достоинство личности проявляется в социальной сфере. Ее прочная сущностная основа формируется под влиянием различных факторов: во-первых, это надежный правовой фундамент, обеспечивающий юридическое закрепление данной категории как традиционной ценности; во-вторых, личное участие каждого человека и гражданина в обеспечении своего достоинства; в-третьих, внутригосударственные и международные механизмы, способствующие максимально полной реализации права на достоинство и его последующую охрану и защиту. Именно уважение достоинства личности должно стать важной составляющей при определении социальной функции государства.

Список источников

1. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.

2. *Рафиева Л. К.* Честь и достоинство как правовая категория // Правоведение. 1966. № 2.

3. *Мальцев Г. В.* Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989.

4. *Кравец И. А.* Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1.

5. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей* : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Путин: доктрина прав человека используется Западом для разрушения суверенитета государств* // Аргументы и факты. 2022. 7 дек.

А. В. Петров

(г. Омск)

Жизнь, достоинство и свобода человека в контексте христианской аксиологии. Конфессиональный аспект традиционных ценностей

27 октября 2022 г. в речи, произнесенной на заседании дискуссионного клуба «Валдай», Президент России В. В. Путин высказал такой тезис: «Прямая угроза для политической, экономической, идеологической монополии Запада в том, что в мире могут возникнуть альтернативные общественные модели» [1]. В настоящее время идея многополярности мира, на полюсах которого находятся исторические нации, следующие по своему специфическому пути, прочно укоренилась в общественно-политическом дискурсе. Специфичность, обусловленную самобытностью и уникальностью исторического опыта, невозможно представить без определенного аксиологического фундамента. 9 ноября 2022 г. Президент России подписал Указ № 809, которым были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отметившие новую веху в деле обоснования способности России сыграть в мировой истории роль, на которую она претендует. Ценности, отнесенные к числу традиционных, таковы: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [2].

Перечисленные ценности неоднородны, их можно разделить на две группы на основании того, относятся ли ценности к числу универсальных, свойственных в том числе традиционной культуре Европы, или, напротив, они очерчивают суверенное аксиологическое пространство, наполненное смыслами, призванными эту суверенность поддерживать. Содержание первых тождественно так называемым общечеловеческим ценностям, но для правильного понимания важно рассматривать культурный контекст, в котором они оформились и заявили о себе как универсальные. Иными словами, они являются универсальными в той мере, в какой сохраняют связь с общим для России и Европы культурным пространством, сформированным христианством. Присутствие отчетливых христианских коннотаций естественно для многонациональной России,

поскольку скрепила эту многонациональность политическая и культурная воля государствообразующего русского народа, состоявшегося как христианский народ. Именно христианство вывело русских из языческой тьмы к свету культуры, имеющей общемировое значение, и оно не могло не оставить отпечатка на всем его культурном облике, который хотя и ослабили, но не смогли вытравить все исторические катаклизмы, выпавшие на долю России в новейшее время. Для иллюстрации заявленного тезиса возьмем первые три ценности и рассмотрим их через призму христианской аксиологии.

В первой ценности — праве на жизнь — есть явная, однако не только лишь сугубо христианская коннотация. Очевидно, что с ценностью жизни были и будут согласны самые разнообразные общества, как традиционные, так и современные. Христианская коннотация помогает поддерживать эту ценность идеей богоданности жизни, в максимуме стремясь вывести ее из-под юрисдикции государства, в минимуме — требуя милосердия и гуманности.

Вторая ценность — достоинство — в секулярную эпоху стала подкрепляться фактом человеческой разумности, что является пусть и надежным, но не единственным обоснованием. Проблема в том, что в пределах секулярной культуры она может применяться избирательно, будучи признаваемой одними (например, носителями «правильных» генов) и отрицаемой относительно лишенных этого качества другими. В ортодоксальной христианской культуре идея человеческого достоинства имеет догматическое обоснование в виде учения о том, что человек несет в себе образ Божий, запечатленный в бессмертной, разумной и свободной душе. Высшей точки это учение достигает в идее богочеловечества Христа, согласно которой Бог сделался человеком, чтобы человек мог спастись и восстановить свое поврежденное грехом достоинство. Человек занимает особое место в творении, за которое он несет ответственность перед Создателем. В секулярной культуре фигура Бога упраздняется, но идея ответственности, вместе с идеей достоинства и особого положения в природе, сохраняется.

К сожалению, секуляризация принесла и иные, причем далеко не благие плоды. Так, в современной культуре можно обнаружить и совершенно иное понимание человека, воплощенное в экологическом дискурсе и связанном с ним трансгуманизме, которые считают человека угрозой окружающей среде, отрицают его достоинство и особый статус. Они полагают, что эту угрозу необходимо либо смягчить через «зеленый» энергопереход, снижение потребления и даже депопуляцию [3], либо тех-

носоматически трансформировать до экологически безопасных форм. Эти идеи весьма наглядно демонстрируют контраст между традиционным и «инновационным» пониманием человеческого достоинства.

Ценность свободы, так же как и первые две, фундаментальна в христианской культуре идеей богочеловечества и учением о свободе воли. Впрочем, она имеет и светские проекции, когда свобода, как и достоинство, и ценность жизни, опираются на способность человека к разумному, целенаправленному действию. К сожалению, история изобилует примерами того, как свобода попиралась без оглядки на то, какое ее прочтение (религиозное или светское) имеет большее употребление. И то и другое прочтение предъявляют к человечеству высокое требование уважать и ценить свободу; можно лишь отметить, что религиозное фундаментирование этого требования представляется более обязывающим, чем любое светское, поскольку ставит человека в контекст вечности и бессмертия.

Заметим также, что упомянутые ценности конгениальны ценностям, декларируемым либеральной идеологией в ее классическом виде, и это неудивительно — несмотря на секуляризацию, мультикультурализм и забывающую границы толерантность по отношению к различным девиациям и перверсиям, христианский фундамент западного либерализма сохраняется хотя бы постольку, поскольку сохраняются культурные достижения, возникшие на его почве — наука и техника, право и хозяйство и т. п. Думается, что окончательное разрушение этого фундамента может быть констатировано тогда, когда исчезнут названные достижения. Если мы рискнем допустить в этом суждении отношения эквиваленции, то будет справедливым следующее: успехи России в науке и технике, рост народного благосостояния и развития хозяйства, укрепление правопорядка и возрастание правосознания будут свидетельствовать и об укреплении ее культурно-исторического фундамента, краеугольным камнем которого является христианское учение о человеке.

Разумеется, проделанный аналитический опыт можно распространить и на прочие ценности из их общего списка. Важно то, что даже первые три ценности из тех, что были отнесены к числу универсальных, свидетельствуют о признании общих культурных корней России и Европы, поскольку обе они относятся к христианскому миру, имеют близкие социально-политические практики и культурные каноны. Понимание этой близости имеет серьезное значение для самоидентификации России, так как преимущественно правовой характер традиционных ценностей, их консерватизм, опора на христианскую традицию открывают для нее возможность прекратить ассоциировать себя с каким-то определенным

периодом собственной истории и примириться с ней во всей ее полноте. В особенности важно восстановить преемственность со своей досоветской историей — историей страны, возникшей и состоявшейся как часть христианского мира, вошедшей в состав великих европейских держав, проводившей политику, пользовавшейся влиянием и располагавшей возможностями, соответствующими этому статусу.

Восстановление традиционных аксиологических оснований российской культуры также делает возможным развитие тех форм культурной жизни, которые обеспечили Европе могущество и процветание, — христианство, преемственность и творческое переосмысление традиций, гражданское общество в виде общин и ассоциаций. Альтернативы этому пути таковы:

- 1) поднятие на щит левоглобалистских лозунгов, чьи исторические перспективы неопределенны, и свертывание проекта суверенности;
- 2) посиленная рецепция социализма на левоцентрический манер, что тоже не выглядит многообещающим, с учетом негативного исторического опыта;
- 3) полный отказ от общеевропейской идентичности даже в смягченном, евразийском варианте, что открывает путь к поглощению Востоком.

Список источников

1. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 02.05.2023).

2. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей* : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/having-a-child-is-the-grandest-act-of-climate-destruction/> (дата обращения: 02.05.2023).

Г. Ч. Синченко

(г. Омск)

Доска Пуфендорфа, принцип равноценности жизней и эффект участника пограничной ситуации

Действенный, хотя по этическим соображениям не всегда приемлемый, а по техническим — не всегда применимый, способ установления истины заключается в исследовании объекта в экстремальной ситуации. С точки зрения метода экстремальных нагрузок право представляет со-

бой интересный материал. Оно предназначено не раскачивать, а, напротив, стабилизировать общество. Поэтому тестирование правового регулирования на «стрессоустойчивость» — актуальная задача. А один из путей ее решения — мысленный эксперимент.

С гуманистической точки зрения жизнь человека — высшая ценность. Поскольку одна высшая ценность не может быть выше другой высшей ценности, постольку в норме всякая человеческая жизнь по ценности равна всякой другой человеческой жизни. Назовем этот существенный аспект идеалов человеколюбия и равноправия принципом равноценности жизней и применим к нему метод экстремальной нагрузки. А именно, посмотрим на эту идею с позиции человека, оказавшегося участником пограничной ситуации, т. е. такой экстремальной ситуации, в которой под угрозой находится его собственная жизнь.

Для одного из типов пограничных ситуаций авторитетный в XVII в. немецкий юрист С. фон Пуфендорф ввел в юридическую литературу мысленный эксперимент, получивший известность как «доска спасения». Он относится к институту крайней необходимости и моделирует коллизию жизней: «Если во время кораблекрушения кто-либо, спасая свою жизнь, схватится за доску, на которой не могут уместиться двое, а кто-либо другой, борясь со смертью, ухватится за ту же доску, что может погубить обоих, то в этом случае первый поступит вполне правильно, если столкнет с доски второго и таким образом спасет себя» [приводится по кн.: 1, с. 131]. Иудаистский аналог доски спасения — два путника в пустыне с ограниченным запасом воды, современная параллель — альпинисты в связке над пропастью.

Универсальная формула баланса причиненного и предотвращенного в состоянии крайней необходимости вреда отсутствует. Ограничиваясь законодательно принятой в России и ряде других стран и требующей, чтобы причиненный вред был меньше предотвращенного, заметим, что результат ее наложения на анализируемый мысленный эксперимент зависит от подхода. В соответствии с точкой зрения самого Пуфендорфа, который легализует проявление эгоизма в пограничной ситуации, своя жизнь ценнее чужой, и потому спасение за счет другого юридически допустимо. Отечественная доктрина говорит об отсутствии однозначности при решении вопроса о правомерности причинения смерти другому человеку в состоянии крайней необходимости, если этим спасается жизнь одного или нескольких других лиц. Одновременно оговаривается, что «жизнь одного человека не может спасаться за счет жизни другого» [2, с. 203]. С учетом этого законопослушным является, если говорить пре-

дельно строго, поведение альтруистическое, опирающееся на более высокую оценку чужой жизни, чем своей.

Ввиду того что эгоизм есть предельная форма индивидуализма, а альтруизм — коллективизма, мы имеем основания говорить о том, что при наличии определенного фактора как индивидуалистическая, так и коллективистическая интерпретация баланса вреда, предотвращенного действием в состоянии крайней необходимости, и вреда, причиненного этим действием, предполагает ограничения на принцип равноценности жизней. Упомянутый выше фактор может быть обозначен как эффект участника: участник пограничной ситуации, когда он принимает такое решение о жизнях людей, от которого зависит и его собственная жизнь, с индивидуалистической точки зрения может, а с коллективистической призван отклоняться от названного принципа.

Список источников

1. *Паше-Озерский Н. Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962.
2. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический)* / под ред. А. И. Чучаева. М., 2019.

РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ.

А. Л. Анисин

(г. Москва)

Право как форма духовной жизни

Духовный уровень способностей и проявлений составляет уникальное достояние человека и кардинальным образом выделяет его из природного порядка бытия. Религиозная, нравственная и творческая способности наиболее зримо выражают эту уникальность. Право и правосознание гораздо реже рассматриваются в этом аспекте с точки зрения их духовной значимости. Право традиционно ассоциируется (хотя, конечно, не отождествляется) с государством, а учитывая, что государство в истории человечества имеет возраст чуть более пяти тысяч лет, казалось бы, трудно считать эту сторону жизни неотъемлемой принадлежностью онтологической конституции человека. Без государства люди жили десятки тысяч лет. Это факт, и на этом основании позитивистская трактовка права делает вывод о его эпифеноменальном характере в рамках человеческого бытия. Концепции естественного права в противовес этому пытаются обосновать правосознание и правотворчество особенностями человеческой природы или даже шире — естественными законами в широком смысле. Отметим, кстати, что в том логическом порядке саморазвития Абсолютной Идеи, на который указывает Гегель, право предшествует морали и нравственности, будучи еще тесно связанным с природным бытием.

Следовательно, с одной стороны, право может трактоваться как произвольное изобретение человека, как условные правила, отчасти выработанные обычаями, отчасти навязанные субъектом власти. Классическое марксистское определение права лежит именно в этом русле: «Право есть воля господствующих классов, возведенная в закон». С другой стороны, право может мыслиться как продолжение и форма проявления законов

природы. Так, Дж. Локк предполагает у человека в «естественном состоянии» не вполне логичную «войну всех против всех», постулируемую Т. Гоббсом, а «уважение свободы другого», которое и есть некое «естественное правосознание». На наш взгляд, ни тот, ни другой подход явно не являются удовлетворительными: право не есть произвол власти (власти отдельного лица или власти класса — безразлично), хотя иногда такое впечатление может возникнуть. Право не есть естественное продолжение законов природы, хотя и на это похоже: правосознание неискоренимо присуще *человеческой* природе. Впрочем, в том случае, когда сторонник одной из этих точек зрения наталкивается на противоречие фактам и логике, он легко делает некоторые оговорки в духе противоположного подхода, чем и сохраняется устойчивость его теоретических конструкций.

После уже названных имен нельзя не вспомнить и И. Канта: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее с такой же свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону» [1, с. 534], «итак, право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, с. 595]. Принципиально важным здесь является связь права с темой свободы, и если первую фразу можно свести к заезженному смыслу: «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого», то вторая формулировка заключает в себе гораздо большую глубину. Право по своему настоящему смыслу это не только и даже не столько *ограничение* свободы, право — это, прежде всего, *обеспечение* и *реализация* настоящей свободы. Та свобода, которую нужно разумно ограничивать, является изначальной онтологической данностью и вместе с тем — предметом веры. Свободу воли, как и бессмертие души, и бытие Бога, И. Кант относит к числу «постулатов практического разума», т. е. недоказуемых теоретически логических предпосылок нравственного сознания. Та свобода, которую право утверждает, является основой нравственного достоинства человека. Не предпосылкой, а венцом нравственной жизни.

Реальная свобода обретается человеком через принятие на себя ответственности: там, где ты принял на себя ответственность (за свой конкретный поступок или за свою жизнь в целом), там ты живешь в качестве свободного человека; там, где ты снимаешь с себя ответственность, там ты отказываешься от свободы и отдаешь свою жизнь во власть внешних сил. Настоящая же свобода связана с верностью нравственному долгу, поскольку «сознание нравственного долга означает способность человека, действуя в мире и на мир, иметь опору вне этого мира, действовать по

причинам, лежащим вне порядка естественной детерминации внутримировых процессов» [2, с. 47; 3, с. 9]. В свете этого духовный смысл права состоит в созидании этой свободы в настоящем смысле на уровне общественной жизни.

Свобода человеку дана помимо общества и государства, т. е. человеку вменена духовная ответственность помимо общества и государства. И человек, и общество, и государство *человечны* настолько, насколько подчиняют себя этой духовной ответственности: только она открывает возможность настоящей свободы, которая есть основание настоящего человеческого достоинства. Верность нравственному долгу на личностном уровне утверждает человеческое нравственное достоинство личности. Верность идеалу социальной правды на уровне организации общественной жизни утверждает человеческое нравственное достоинство общества. Именно духовный идеал правды образует идею права как такового.

Право, безусловно, связано с властью, более того, — с властью *политической*. Это вовсе не отменяет сказанного только что о его духовном значении. Так называемое «право силы», безраздельно господствующее в природном бытии, проявляется и в жизни человеческого общества. Кроме того, оно способно заслонять собою собственно человеческое содержание этой жизни. Однако уже Аристотель ясно провел границу между естественным сообществом и сообществом политическим. Закон естественного сообщества действует очень понятно: «В целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному» [4, с. 377].

В рамках этой логики подчиняющийся подчиняется по той простой причине, что *не подчиняться он не может*, «власть же государственного мужа — это власть над свободными и равными» [4, с. 386]. Подчинение такого подчиненного — есть акт его свободной воли, основанный на свободном *признании* такой власти. Способность к *свободному подчинению* является проявлением высшего человеческого нравственного достоинства. Именно в этом смысле Г. Честертон написал однажды, что человек способен, кланяясь, становиться выше. И нравственное, и правовое сознание основано на признании данной свыше правды и на свободном служении ей. Большая разница, конечно, заключается в том, что в сфере нравственной эта Божья правда дана в более совершенном виде — как идея Добра, т. е. нравственный идеал зрячей, трезвой любви в качестве личностного призвания, а в правовом сознании главенствует общественный идеал Правды как духовно просветленной справедливости.

В заключение хотелось бы с опорой на В. И. Даля, на приводимые им в словаре русские пословицы, охарактеризовать весьма непростые отношения человека с Правдой как духовно-нравственной ценностью. «Правдою жить, палат каменных не нажить», но в то же время «Без правды жить легче, да помирать тяжело»; «По правде тужим, а кривдой живем», но все-таки «От правды отстать — куда пристать?». В конечном счете, предельно глубоко на эту тему говорит известная формула: «Не в силе Бог, а в правде» [5, с. 985–986], иначе говоря, высшей значимостью обладает даже не сила, не успех, не победа, а именно Правда. За Правду нужно держаться не для удобства жизни и не для успеха в делах, а потому, что она свята и потому, что «без нее помирать тяжело».

Список источников

1. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
2. Анисин А. Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 31(212).
3. Анисин А. Л. Реальность и подлинность свободы как философская проблема // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (к 25-летию Конституции Российской Федерации). Тюмень, 2018.
4. Аристотель. Политика : сочинения : в 4 т. / пер. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. Т. 4. М., 2012.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. испр. и доп. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 3. СПб., 1907.

С. А. Бурьянов

(г. Москва)

О необходимости правового закрепления новой парадигмы конституционной свободы совести и принципа мировоззренческого нейтралитета как ее гарантии

Конституционное право на свободу совести и принцип светскости государства закреплены в качестве основ конституционного строя многоконфессиональной и многонациональной России. Проблемы практического воплощения государствообразующих принципов актуализируют исследования перспектив их развития в том числе в планетарном контексте.

В настоящее время принципы и нормы права на свободу совести и запрет дискриминации содержат ряд универсальных международных

правовых документов, среди которых следует выделить такие, как Устав ООН 1945 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., Декларация принципов толерантности 1995 г., Конституция РФ (ст. ст. 14 и 28), федеральные законы от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, «О свободе совести и о религиозных объединениях», от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и др. также провозглашают право на свободу совести и светскость государства.

На основании проведенного исследования комплекса теоретико-правовых проблем, вопросов формирования и трансформации законодательства в России и мире, нарушений и правовой защиты, а также иных актуальных проблем можно сделать вывод о системном кризисе реализации права на свободу совести.

Однако единого современного юридически корректного определения понятия права на свободу совести до сих пор не выработано, что создает существенные препятствия на пути его воплощения в жизнь. Одной из ключевых проблем, предопределяющих кризис реализации свободы совести, является вопрос корректности ключевых терминов и, прежде всего, правового определения термина «религия» и производных от него.

Е. Н. Маркова отмечает, что «конституции большинства государств провозглашают и гарантируют свободу религии (свободу вероисповедания) как фундаментальное право человека, но сам термин «религия» остается неопределенным» [1, с. 36]. Р. А. Подопригора указывает на невозможность и нецелесообразность юридического определения религии [2, с. 27]. Можно также согласиться с Г. П. Лупаревым, полагающим, что «конституционный институт свободы совести не отвечает важнейшему требованию современной юридической техники, обязывающей использовать в нормативных актах и правоприменительной практике лишь такие термины и выражения, которые воспринимаются всеми и не имеют двойного смысла» [3, с. 5]. Так как правового определения религии не существует, то фактически произвольное толкование этого понятия, а также понятия «свобода религии (вероисповедания)» предопределяет произвольное правоприменение и нарушения прав человека в сфере свободы совести.

Например, в масштабном исследовании Pew Research Center от 2019 г. говорится о существенных проблемах реализации права на свободу со-

вести в современном мире в 2007–2017 гг. [4]. Международная правозащитная организация Human Rights Watch также указывает на нарушения упомянутого права в своем ежегодном докладе за 2021 г. [5]. На внутригосударственном уровне проблемы реализации права на свободу совести неоднократно поднимались на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, в материалах государственных и неправительственных правозащитных структур.

Подходы, связывающие право на свободу совести с мировоззренческим выбором и соответствующие требованиям современной юридической техники, содержатся в исследованиях Ф. М. Рудинского [6], В. Н. Савельева [7], Н. Ю. Тетерятникова [8], Т. П. Минченко [9], С. А. Мозгового [10], Д. М. Никитаева [11]. Эти же авторы являются сторонниками современного понимания светскости государства как его мировоззренческого нейтралитета. При этом подавляющее большинство иностранных авторов под правом на свободу совести традиционно понимают религиозную свободу, а принцип светскости государства не признают в качестве его гарантии.

Несоответствие юридической терминологии требованиям современной юридической техники делает невозможным единообразное понимание и толкование нормы права, предопределяя снижение ее эффективности и низкое качество нормативного правового акта [12]. Так как принцип мировоззренческого нейтралитета государства является важнейшей гарантией права на свободу совести, то он также взаимосвязан с принципами верховенства права и правового государства [13, р. 111].

Право на свободу совести — это принадлежащие каждому от рождения и закрепленные в соответствии с требованиями современной юридической техники в формах международного и внутригосударственного права возможности мировоззренческого выбора, реализация которых без дискриминации должна привести к свободному формированию мировоззрения (картины мира) в качестве основы для развития личности, общества, государства, мирового сообщества.

В качестве вывода отметим необходимость правового закрепления новой парадигмы права на свободу совести как возможности мировоззренческого выбора. Соответственно, в качестве гарантии реализации упомянутого выше права предлагается закрепление принципа мировоззренческого нейтралитета государства в федеральном законе, а в будущем и в новой Конституции. В планетарном контексте свобода выбора каждым индивидом своей мировоззренческой позиции, основанная на

нейтральности государства по отношению к мировоззрению, является неотъемлемым условием для развития глобального мышления, преодоления религиозных и этнических преград на пути к эффективным решениям глобальных проблем, угрожающих существованию человеческой цивилизации [14; 15].

Список источников

1. *Маркова Е. Н.* Проблема правового определения «религии» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11.
2. *Подопригора Р. А.* Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в зарубежных странах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2002.
3. *Лунарев Г. П.* Свобода совести: «священная корова» или конституционно-правовой анахронизм? // Религия и право. 2002. № 2.
4. URL: <https://www.pewforum.org/2019/07/15/a-closer-look-at-how-religious-restrictions-have-risen-around-the-world/> (дата обращения: 21.05.2023).
5. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2021> (дата обращения: 21.05.2023).
6. *Рудинский Ф. М.* Институт свободы совести по советскому государственному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 1963.
7. *Савельев В. Н.* Свобода совести: история и теория. М., 1991.
8. *Тетерятников Н. Ю.* Теоретико-правовые аспекты свободы совести : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
9. *Минченко Т. П.* Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: Истоки и перспективы : дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011.
10. *Мозговой С. А.* Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России : информационно-аналитический отчет Института свободы совести. М., 2004.
11. *Никитаев Д. М.* К вопросу о современном определении понятия и содержании свободы совести // Современный юрист. 2018. 4(25).
12. URL: <http://www.ibil.ru/index.php?type=review&area=1&p=articles&id=358> (дата обращения: 07.05.2023).
13. *Buryanov S. A.* State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam, 2018.
14. *Бурьянов С. А.* Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов : монография. М., 2020.
15. *Бурьянов С. А., Бурьянов М. С., Никитаев Д. М.* Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации : монография. М., 2023.

А. А. Исаев

(г. Уфа)

Право человека на духовную безопасность: философские размышления

Несомненным является то, что государство должно охранять права и свободы своих граждан. Статья 2 Конституции РФ провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Обеспечивая национальную безопасность, государство стремится, в том числе, к устойчивой духовной безопасности своих граждан. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия) одним из национальных интересов нашей страны является «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России». Таким образом, государство, обращая внимание на сохранение и укрепление духовных традиций, способствует защите своих граждан от духовных угроз. В Стратегии сказано, что традиционные российские ценности «подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций» [1].

Но защита права гражданина и человека на его духовную безопасность — это не только и даже не столько обязанность государства. Главной обязанностью является обеспечение этой безопасности самой личностью. Доказывая это утверждение, перейдем от правовых обоснований к философским размышлениям. Н. А. Бердяев пишет: «Поскольку дух есть свобода, духовное мы должны понять, прежде всего, как независимое от детерминации природы и общества» [2, с. 379]. Логика русского философа наталкивает на мысль, что охрана государством духовного бытия человека приводит к потере им своей свободы. Поэтому человек должен прилагать усилия для сохранения своей духовной свободы: «Дух есть творческая активность. Всякий акт духа есть творческий акт. Но творческий акт субъективного духа есть выход из себя в мир. Во всяком творческом акте привносится элемент изначальной свободы субъективного духа, элемент, ничем не детерминированный, не определяемый миром» [2, с. 392]. Личность — не пассивный пользователь благами, предоставляемыми государством, в том числе охраной его прав и свобод, а изначально творческий свободный субъективный

дух, выходящий во внешний мир. Это не бунтарь, отрицающий все объективное, внешнее. Это творец, реализующий себя в своем творчестве. Творчество духа, по меткому выражению Бердяева, «огненно», но реализация этого творчества в культуре «охлаждает огонь духа». Иными словами, субъективный дух объективируется: «объективация в культуре всегда означает согласие с другими, с уровнем мира, с социальной средой. Объективация духа в культуре есть его социализация. Культура имеет социальную природу. Отсюда значение традиции» [2, с. 392]. Государство, сохраняя духовные традиции, защищает «объективный дух». Какова гарантия защиты субъективного духа в этом случае? Эту гарантию сможет обеспечить только сама личность: «Дух реально, экзистенциально воплощается в человеческой личности, в ее творчески интуитивном отношении к жизни и в братском общении людей, а не в объективированном обществе, государстве, исторической жизни наций. Дух, объективируя себя в культуре и социальной жизни, легко попадает в плен. Субъективный дух не узнает себя в том, что называют „объективным духом“» [2, с. 392].

Творческая реализация субъективного духа не уводит человека от его подлинного существования, при условии постоянной духовной борьбы личности, отрицающей любые ограничения его сознания, исходящие от внешнего мира. Дух остается свободным, не попадая в плен социальной жизни, только у экзистенциально реализующей себя личности, находящейся на пути постоянного духовного самосовершенствования. Она не отвергает усилия государства по ее духовной защите, а воспринимает их как дополнение к своей духовной борьбе.

Свою духовную безопасность человек обеспечивает постоянным повышением интеллектуального уровня, расширением кругозора, образованием и самообразованием. Способом духовной защиты личности будет выступать ее стремление к самосовершенствованию. Поэтому так важна творческая активность; «...духовность должна быть реализована, а не символизирована в мире, реализована в существовании, а не в объекте. Человек есть не бесплотный, а воплощенный дух. И он призван творчески воплощать. Но воплощение не тождественно объективации» [2, с. 391].

Как личности укреплять себя духовно? Как преодолеть препятствия на путях духовной жизни? Отвечая на эти вопросы, Н. А. Бердяев справедливо утверждает: «Возрастание в духовной жизни предполагает очищение, отрешенность от власти мира, порождающего вожделие и похотение» [2, с. 399]. Одним из способов осуществления этого про-

цесса русский философ видит аскезу, понимая ее не только как телесные, физические ограничения, а более широко, в разных значениях: «Аскеза есть концентрация внутренней силы и овладение собой... В этом смысле некоторая аскеза необходима во всем. С этим связано достоинство человека. Человек не должен быть ни рабом самого себя, своей низшей природы, ни рабом окружающего мира. Аскеза означает освобождение человека» [2, с. 399]. Опять мы возвращаемся к мысли о духовной свободе человека. Стремление к ней и гарантирует личности ее духовную безопасность. Государство лишь призвано обеспечить человеку реализацию этого стремления, признавая и охраняя права человека на образование, свободу совести, занятие научно-познавательной, творчески-культурной деятельностью и т. д.

Завершая наше небольшое размышление о способах и путях обеспечения духовной безопасности личности в современном обществе, стоит отметить, что сегодня интеллект и психика человека подвержены массивным ударам со стороны различных источников информации. Это заставляет личность вырабатывать технологию защиты от этих опасностей, которая формируется, прежде всего, в образовательном процессе, в интеллектуальном самосовершенствовании, в познавательной деятельности. Укрепление духовного стержня личности гражданина Российской Федерации — первоочередная задача. Информационно-психологическое воздействие не обходит стороной никого. Только духовно сильная личность способна выстоять перед этим натиском и использовать способы духовной защиты перед данной угрозой.

Список источников

1. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М., 2011.

У. К. Каримзода

(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Соотношение права и морали

Между правом и моралью весьма сложное соотношение, оно включает в себя такие компоненты, как единство, различие, взаимодействие и противоречия. Внимательное сопоставление права и морали, выяснение взаимосвязей между ними позволяет более глубоко познать эти явления.

Так, по мнению Р. Ш. Сотиволдиева, мораль — это форма общественного сознания, способ социальной регуляции, система исторически складывающихся и развивающихся взглядов, принципов, норм, убеждений, оценок, на основе которых в силу личного убеждения и общественного мнения упорядочиваются отношения людей друг к другу и окружающим их социальным явлениям [1, с. 190].

Понятия «мораль» и «нравственность» обычно употребляются как идентичные категории. Вместе с тем отдельные авторы разъединяют их. Например, В. С. Нерсесянц к сфере морали относит «личностный момент (автономия индивида и самосознательная мотивация им правил морального поведения и моральных оценок)», а к сфере нравственности — «объективный, внеличностный момент (сложившиеся в данной культуре, социальной группе, общности; нравственные воззрения, ценности, нравы, формы и нормы человеческих отношений)» [2, с. 83].

Тем не менее большинство ученых склонны рассматривать мораль и нравственность как идентичные явления.

Наука, занимающаяся изучением морали и нравственности, носит название «Этика». Мораль в контексте ее взаимоотношения с правом является также предметом юриспруденции.

Мораль — это одна из форм общественного сознания, и в этом смысле она состоит из определенных нравственных взглядов, идей, представлений, убеждений, оценок. Более того, мораль (нравственность) и нравственное сознание составляют единое целое, в то время как право (позитивное) и правосознание отличаются. Наряду с этим мораль — это способ соционормативной регуляции. Она вводит нормативную (нормальную) упорядоченность, организованность, порядок в общественные отношения. При этом мораль как способ регуляции не ассоциируется с нормами. При моральном социальном регулировании участвует весь комплекс нравственных взглядов, убеждений, представлений, оценок.

Общность права и морали заключается в том, что, во-первых, они объективно предназначены для того, чтобы регулировать отношения между людьми как между собой, так и с социальной действительностью (государством, семьей, коллективом и др.).

Право и мораль — соционормативные регуляторы общественных отношений, средство введения нормативных начал в жизнедеятельность людей, способ обеспечения организованности, порядка и стабильности общества. Социальное назначение у права и морали одно. Они призваны быть социальными регуляторами.

Во-вторых, право и мораль имеют единую сферу деятельности. У права и морали один общий объект регулирования — общественные отношения. При этом мораль выступает универсальным социальным регулятором. Нет отношений, которые были бы свободны от морального социального воздействия, нет социальных явлений, которые были бы вне нравственных оценок. Мораль присутствует во всей системе общественных отношений, в том числе в сфере правовых отношений. Люди всегда дают моральную оценку юридически значимым поступкам и событиям (рождение ребенка, брак, развод, раздел имущества, преступление, наказание и др.). Такая оценка дается в рамках и посредством таких нравственных категорий, как добро и зло, честь, совесть, благородство и др. Поэтому отношения, возникающие в ходе правового регулирования, так или иначе, попадают в орбиту морального социального воздействия, становятся общим объектом правового и нравственного социального воздействия. В этом смысле у права и морали общий объект соционормативного воздействия.

В-третьих, у права и морали общие оценочные критерии. При этом в литературе дискутируют о природе оценочных критериев права и морали.

Одни считают, что право и мораль оцениваются на основе нравственных понятий добра и зла, чести, совести и др. Даже в сфере политики и государства (разумеется, и права) нет отношений, которые были бы за пределами оценок с позиций добра и зла и иных моральных категорий, а сфера взаимоотношения права и морали такова, что все правовое подлжит моральным оценкам.

По мнению других, различие права и морали заключается в том, что у них разные оценочные категории, в частности, если право регулирует взаимоотношения между субъектами с точки зрения их юридических прав и обязанностей, правомерного — неправомерного, законного — незаконного, наказуемого — ненаказуемого, то мораль подходит к человеческим поступкам с позиции добра и зла, похвального и постыдного, честного и бесчестного, благородного и неблагородного, совести, чести, долга и т. д.

В-четвертых, как право, так и мораль имеют отношение к нормированию человеческих поступков. Они определяют меру поведения человека, границы человеческих поступков, за которые индивид не может преступать. Право и мораль связаны с категорией «человеческая свобода». П посредством указанных регуляторов нормируется свобода человеческой деятельности. Они устанавливают свободу человеческого поведения, но различными способами [1, с. 191–192].

В литературе указывается также структурная общность права и морали. В качестве элементов моральной системы выделяются нравственные отношения, моральное сознание и нравственные нормы, а в качестве таковых в правовой системе перечисляются правовые отношения, правосознание, правовые нормы. Единство указанных систем объясняется общностью входящих в обе системы общественных отношений (невозможность их предметного разграничения), «характером взаимодействия внутренних структурных элементов этих систем» [3, с. 206–208].

Несмотря на наличие общности, право и мораль — различные, специфические социальные регуляторы. Право и мораль отличаются друг от друга некоторыми характерными для них свойствами и качествами.

1. Право связано с государством, мораль — с обществом, его устоями, условиями, потребностями. Позитивное право формируется вместе с государством. Оно получает нормативное воплощение в законах, нормативных актах, иных источниках позитивного права. Мораль возникает гораздо раньше государства. Она не связана с государством. Нравственные нормы, взгляды, убеждения, оценки формируются в недрах общества, вырабатываются самими людьми в историческом процессе их взаимодействия. Они не имеют властно установленного характера.

2. Позитивное право, будучи результатом нормоустанавливающей деятельности государства, обеспечивается принудительной санкцией государства, правовыми принудительными мерами, применяемыми государством. Мораль же лишена такого качества.

Реализация морали обеспечена общественными санкциями, силой общественного мнения, личным убеждением индивида в полезности и необходимости соблюдения нравственных норм. Причем моральное осуждение со стороны отдельных индивидов (родителей, родственников, друзей), коллективов людей (предприятия, учреждения и др.), социальных групп (членов партии и иных общественных организаций) либо всего общества может быть гораздо эффективнее, нежели правовые санкции. Нравственное осуждение того или иного поступка может исходить также от государственных органов, например, суда — при разбирательстве определенных преступлений (хулиганство, оскорбление и др.).

Однако такого рода осудительные оценки не содержатся в правовых санкциях. Тем не менее, они служат способами обеспечения морали, поддержания их силы и авторитета. В противном случае мораль лишится социальной ценности. Общество и отдельные индивиды не могут быть

равнодушными к различным формам проявления аморальности. Общество объективно нуждается в нравственных требованиях.

3. Право и мораль имеют разные способы и фиксации. Позитивное право фиксируется правотворческими органами государства в законах и других формах позитивного права. Причем формы фиксации права заранее и строго установлены законом, прежде всего, конституцией.

Мораль не располагает такими заранее предусмотренным законом формами фиксации. В этом нет необходимости. Мораль как форма общественного сознания, как естественно сложившийся социальный регулятор, существует в виде нравственных представлений, идей, принципов, оценок, убеждений людей.

Однако это не означает, что мораль в целом существует в устной форме. Мораль тоже имеет письменную (в то же время не юридически значимую) фиксацию. Она содержится, например, в религиозных источниках (религиозные заповеди), в литературных, научных, публицистических произведениях и др.

4. Мораль имеет более широкую сферу действия, чем право. Хотя у морали и права единый объект регулирования (общественные отношения), тем не менее, сферы их функционирования по своим масштабам различны. Так, существуют отношения, которые не поддаются правовому регулированию (межличностные отношения любви, дружбы, взаимопомощи и др.). В данной сфере действуют моральные нормы и принципы. Право регулирует важные, социально значимые отношения. Сфера же действия морали гораздо шире. Моральное упорядочение происходит в разнообразных отношениях [1, с. 192–193].

Таким образом, право и мораль различаются по сферам действия. Моральное пространство гораздо шире правового, их границы не совпадают.

Список источников

1. *Сотиволдиев Р. Ш.* Теория государства и права : учебник для вузов. Душанбе, 2009.
2. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999.
3. *Проблемы общей теории права и государства* : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2010.

Л. В. Яковлева

(г. Москва)

Уголовное право и религия: черты сходства и различия

Право и религия относятся к сфере идеологии. Онтологические характеристики человека как существа биологического и социального предопределили возникновение религии на ранних этапах развития общества.

В процессе освоения мира человек пытается познать окружающую его действительность. При невозможности ответить на все вопросы (исходя из имеющегося опыта и знаний) недостаток знаний замещается иррациональным. Все, что не поддается объяснению, приписывается действиям высших сил. Появляется вера в их всемогущество, зарождается религия. Чтобы упорядочить действия верующих, наставлять их и руководить ими, вводятся правила поведения, формулируются запреты (заповеди) и ограничения. Их цель состояла в охране наиболее значимых для человека ценностей — жизни, собственности.

Уголовное право, как и право в целом, возникло намного позднее религии, когда появилась необходимость в регулировании общественных отношений, выходящих за рамки религиозного общения и охраняющих также и иные интересы и ценности социума и отдельных личностей.

И поскольку многие религиозные запреты уже прошли многовековую апробацию и доказали свою востребованность, они были возведены в ранг норм права. Из запретов «не убий», «не укради» возникли уголовные преступления — убийство, кража. Заповеди «не лжесвидетельствуй» корреспондирует ответственность за ложный донос, а запрет посягательства на имущество другого человека («не желай дома ближнего своего... ничего, что у ближнего твоего») вылился в целый ряд преступлений против собственности.

Таким образом, общность религии и уголовного права проявляется в том, что они относятся к той части общественно-экономической формации, которая в философии марксизма именуется надстройкой. Они нацелены на упорядочение общественных отношений, построены на системе запретов и поощрений. Только в религии в качестве поощрения выступает возможность обрести после упокоения царствие небесное. Уголовное же право предусматривает конкретные, применяемые к нему при жизни виды освобождения человека от уголовной ответственности, от наказания или его отбывания либо одобряет его правомерное поведение в противостоянии преступлениям.

Отправление религиозных обрядов (так же, как и отправление правосудия) — это определенные процедуры со своими правилами. В религии эти правила не имеют четкого закрепления и могут меняться в разных церковных приходах. Применение норм уголовного законодательства осуществляется строго в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального законодательства.

Между двумя рассматриваемые формами общественного сознания есть и иные различия. Уголовное право оперирует явлениями действительности, существующими реально. Все, что относится к религии (к ее духовной (мировоззренческой), а не организационной стороне) — метафизично, принимаемо на веру, не проверяемо опытным путем.

Наказание в светском праве характеризуется конкретным содержанием, заключающимся в изъятиях или ограничениях общегражданских прав, в наделении осужденных новыми, специфическими правами и установлении для них новых обязанностей. Некоторые наказания носят срочный характер, т. е. обладают определенной протяженностью во времени. В религии наказание ждет человека в будущем, после окончания его земного существования (отлучение его от царствия небесного).

Вместе с тем религия более благосклонна к человеку. Она учит, что каждый человек ценен, поэтому самоубийство является грехом. Уголовный закон такой способ ухода человека из жизни преступлением не признает, хотя в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) интересам личности отдается приоритет перед интересами общества и государства.

В течение многих веков в России религия оказывала существенное влияние на государственную власть, а преступления против религии (против веры) признавались особо опасными и карались очень жестко [1, с. 30–31].

В Российской Федерации церковь отделена от государства, и УК РФ не предусматривает ответственности за преступления против веры. Базируясь на положениях Конституции РФ, он охраняет право человека на свободу вероисповедания (ст. 148 УК РФ). К уголовной ответственности привлекаются лица, совершающие преступления по мотивам религиозной ненависти или вражды; запрещается создание религиозного объединения либо руководство им, если такое объединение в процессе своей деятельности причиняет вред здоровью граждан (ст. 239 УК РФ). Под уголовно-правовым запретом также находятся: дискриминация по религиозному признаку (ст. 136 УК РФ),

действия, побуждающие возникновение ненависти или вражды из-за отношения к религии (ст. 282 УК РФ), участие в экстремистских религиозных объединениях (ст. 282² УК РФ), геноцид в отношении религиозной группы (ст. 357 УК РФ).

Как справедливо отмечается в литературе, российское уголовное законодательство признает преступными, с одной стороны, деяния, направленные против религиозных отношений, с другой стороны, осуществление религиозной деятельности вопреки соответствующим правовым установлениям [2, с. 9]. При этом уголовное законодательство в равной мере охраняет лиц, исповедующих любую не запрещенную законом религию.

Различаются религия и уголовное право по кругу лиц, на которых распространяется их действие. В первом случае это только приверженцы и последователи соответствующей религии, во втором — граждане Российской Федерации, а также, в определенных случаях, иностранные граждане и лица без гражданства.

В заключение хотелось бы отметить, что в статье уделено внимание нормам российского уголовного права и православию. В рамках иных верований существуют другие взаимозависимости между религией и уголовным законодательством [3, с. 105–106].

Список источников

1. Федорова А. Н. Преступления против церкви как средства защиты самодержавной власти по российскому законодательству XVII–XVIII веков // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 4.
2. Федосова Н. С. Уголовное право и религия: проблемы взаимодействия и взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.
3. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология : сб. науч. тр. М., 2007.

РАЗДЕЛ III. ПРАВО, НОРМА, ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. В. Антипов

(г. Москва)

Информационная автономия как основание права на забвение

Современный мир наполняется устройствами, в задачи которых входит сбор и хранение огромного количества данных. Их генерация в основном находится в руках самих пользователей, создающих научный, творческий, развлекательный и другие виды контента. При этом развитие интернета и облачных технологий позволили собирать и хранить не только продуцируемый пользователями контент, но и метаданные — данные о данных. Они представляют собой геометки, информацию об устройстве, с которого совершается вход, параметры камеры в случае фотографий и многое другое. Это облегчает нашу жизнь, делает ее комфортнее и позволяет структурировать повседневность и воспоминания, однако таит в себе множество проблем, одна из которых состоит во влиянии безобидной, на первый взгляд, информации на будущее отдельного человека.

Намеренно оставляя в стороне проблемы, такие как конфиденциальность и утечка чувствительной информации (например, о результатах медицинских анализов), сосредоточим внимание на влиянии достоверно сохраненного прошлого на настоящее и будущее человека. Культура отмены показала, что у высказываний нет срока давности, и тень прошлых взглядов способна настигнуть довольно внезапно. Помимо проблемы тождества личности, это поднимает вопросы о том, насколько целесообразно хранить все собираемые данные, а также о том, как избавиться от информации, ставшей проблемной, будь то фотография, опубликованная в социальных сетях в неприглядном свете или в неподходящем окружении, или высказывание, бывшее приемлемым в момент публикации, но ставшее обременительным и, по меньшей мере, грубым в настоящее время.

Для возможности управления данными вводится понятие «право на забвение». Это право человека на удаление своих персональных данных, если они были добровольно (или нет) размещены в интернете [1, р. 1]. Оно представляет собой возможность менеджмента данных их создателем. В настоящее время на это способны в основном посредники в виде платформ, на которых размещается информация: социальные сети устанавливают правила приемлемого и неприемлемого контента. Модерация данных их создателем позволит расширить границы информационной автономии субъекта. Отдельного пояснения требует оговорка о недобровольности размещения данных, упоминаемая в представленном выше определении. Она касается метаданных, которые остаются невидимыми для пользователя, но при этом могут содержать в себе чувствительную информацию.

Согласно мысли создателей концепта, «информационная автономия или самоопределение означает контроль над личной информацией, т. е. право человека на определение того, какая информация о себе будет раскрыта, кому и с какой целью» [2, р. 85–86]. Информационная автономия становится содержанием права на забвение и позволяет человеку самостоятельно определять границы допустимого вмешательства и распространения личной информации. Такой уровень автономии повышает и уровень осведомленности о способах сбора и хранения данных, но активно вмешивается в экономическую модель надзорного капитализма, при котором данные и метаданные, получаемые компаниями бесплатно, служат источником прибыли, прежде всего, в сфере рекламы и маркетинга.

С одной стороны, право на забвение несет в себе положительный аспект увеличения информационной автономии, но, с другой стороны, право на забвение может быть использовано как в целях сокрытия преступлений, так и как инструмент усиления цифрового разрыва, который состоит в увеличении пропасти между теми, кто активно вовлечен в использование новых технологий и обладает соответствующими знаниями и навыками, и теми, кто этого лишен, а следовательно, лишен использования даже таких инструментов, действие которых нацелено на усиление контроля за собственными данными.

Список источников

1. *Pereira A.G., Ghezzi A., Vesnić-Alujević L.* Introduction: Interrogating the Right to be Forgotten // *The Ethics of Memory in a Digital Age.* London, 2014.
2. *Terwangne C.* The Right to be Forgotten and Informational Autonomy in the Digital Environment // *The Ethics of Memory in a Digital Age.* London, 2014.

Е. Ю. Воробьева

(г. Омск)

Экзистенциальные вызовы будущего: трансформация права на жизнь

Удвоение мира свойственно европейской цивилизации с самого ее зарождения: сверхчувственный план бытия вечных истин пронизывал ткань изменчивой материи, служил каркасом, направляющим сиюминутные действия и решения. «Душа мира... удерживает тело [мира] и уже внутри него [множество вещей и существ], которые оно собой обнимает; Душа мира не связана вещами, но связывает их сама, ибо она начальствует» — утверждал Плотин [1, с. 122]. Вечные этические ценности задавали индивидуальной душе траекторию возвышения или падения, предоставляя выбор между добром и злом, благом и преступлением, пользой и вредом, нормой и патологией.

Эпоха постмодерна заявила о себе хрестоматийным высказыванием Ж. Дерриды: «В классических философских оппозициях мы не имеем дело с мирным сосуществованием *vis-a-vis*, а скорее, с насильственной иерархией» [2, с. 76]. Абсолютное равенство — это новое божество западной цивилизации, повинувшись своей сути, ниспровергло иерархии, лишило оппозиты ограниченного ими смыслового поля, разрушило устоявшиеся правила ментальным форсированием гиперизменчивости наличного существования. Чувственное и сверхчувственное бытие также лишились границ, и плотина Душа мира «после потери крыльев» погребла под собой вечность истин и ценностей. «Мы знаем, — констатирует ирландский исследователь Дж. Данахер, — что ценности, на которые реагируют люди, менялись во времени и пространстве... Иногда они привержены одной и той же абстрактной ценности (скажем, „справедливость“ или „дружба“), но со временем они развивают различные конкретные концептуализации или субконцептуализации этих ценностей („прогрессивное налогообложение“, „платоническая дружба“)... и если мы хотим понять будущее, мы должны учитывать это изменение в наших расчетах» [3, р. 32]. Смещение, а то и подмена понятий «хорошо» и «плохо», «допустимо» и «недопустимо», «истинно» и «ложно» порождает новую этику для новых миров. Уже сейчас в юридической практике США, о чем с гордостью пишет Л. Мак Клейн, многие решения по конкретным делам судьи принимают, основываясь не на абстрактных этических константах в виде справедливости или равенства перед законом, а на желании быть на «правильной стороне истории» [4, р. 17].

Тем не менее, тенденция к удвоению продолжает сохраняться в базовых слоях западной культуры. Если в прежние времена сверхчувственный пласт бытия представлял собой мир идей, ценностей и истин, в котором царит Бог, то сейчас его место заняла виртуальная реальность под управлением искусственного интеллекта. В вопросах взаимоотношений человека и искусственного интеллекта футурологи бросаются в крайности утопических/антиутопических прогнозов, усматривая в них экзистенциальный вызов человечеству. Искусственный интеллект функционирует в формах и скоростях, отличных от человеческого разума, его целью не является наше благополучие. Связанный с нечеловеческим разумом идеальный тип аксиологии переносит фокус внимания на возможный миропорядок, в котором основным субъектом морали станет машина. Поэтому границу двух миров современные футурологи проводят не между наделенными душой и бездушными, не между разумными и неразумными, как она проходила в предшествующие эпохи, а между живыми и неживыми. Основанием для разграничения «живое — неживое» служит вовсе не наличие или отсутствие разума, так как в таком случае изменение аксиологических норм не затронуло бы интересы животных, а по наличию чувствительности и способности психики к отражению.

Смягчить экзистенциальные риски, по мнению американских ученых, должен моральный прогресс в виде расширения морального круга. Дж. Р. Антис и Э. Паес сформулировали такое определение: «Моральный круг сообщества расширяется по отношению к некоторому предыдущему моменту времени тогда и только тогда, когда ряду существ, которым раньше уделялось меньше морального внимания, теперь уделяется больше морального внимания» [5, р. 44]. Границы будущего морального круга не должны включать диких животных, с одной стороны, и искусственный интеллект — с другой.

Обоснованным ответом на все экзистенциальные вызовы, по убеждению Дж. Р. Антиса и Э. Паеса, выступало постепенное расширение морального круга. Бесчисленные исторические злодеяния можно было бы предотвратить, если бы сообщество распространило моральную заботу на другие группы разумных существ, такие как люди различных рас, этнических групп, полов или животные различных видов, которые делят эту планету с человечеством. «Обратите внимание на то, что в отношении животных, употребляемых в пищу, на Западе уже широко распространено моральное отвращение к поеданию собачьего мяса, однако в случае с рыбами, очень непохожими существами, практически

не обсуждаются их благополучие или попытки рассмотреть их интересы» [5, р. 15; 6, р. 59]. Исследователи не ожидают, конечно, что расширенный моральный круг вберет в себя всю фауну, но в «смешанные» сообщества, в которых сосуществуют люди и животные, «экспансия морали» необходима.

За пределами этики еще долго будут находиться такие неразумные организмы, как растения, такие коллективные объекты, как экосистемы, такие искусственные объекты, как роботы, но государственные и частные институты должны в своих уставах и программах утвердить право на жизнь для более обширного круга существ. Будущее предполагает, что творцы изменений нравственных ценностей должны инициировать кампанию по наделению правосубъектностью животных, что в перспективе будет способствовать и установлению юридического статуса искусственного интеллекта, если мы вновь раздвинем границы морального круга.

Хотелось бы добавить, что ученым мужам всех полов необходимо всерьез озаботиться созданием новой юридической терминологии. Например, уже сейчас употребляются в быту «лутинг» — это не совсем «грабёж», «шоплифтинг» — не такое уж и «воровство», а «буллинг» — не «издевательство», поэтому в преддверии расширения морального круга напрашивается необходимость создания нового юридического термина, описывающего лишение жизни и цыпленка, и ребенка, и поэтому не являющееся традиционным уголовно наказуемым убийством.

Список источников

1. *Плотин*. Вторая эннеада / пер. Т. Г. Сидаша. СПб., 2004.
2. *Деррида Ж.* О грамматиологии / пер. Н. Автономовой. М., 2000.
3. *Danaher J.* (2021). Axiological futurism: The systematic study of the future of values. *Futures*, 132 (September), 102780.
4. *McClain L.* (2018). Prejudice, moral progress, and being 'on the right side of history': Reflections on *Loving v. Virginia* at fifty. *Fordham Law Review*, 86, 2701.
5. *Anthis J. R., Paez E.* (2021). Moral circle expansion: A promising strategy to impact the far future. *Futures*, 130 (June), 102756.
6. *Wright D. W. M.* (2018). Cloning animals for tourism in the year 2070. *Futures*, 95 (January).

Л. В. Денисова

(г. Москва)

Справедливость как метафизическое основание права

Справедливость главенствует в профессиональной деятельности юристов. Само понятие «юстиция» в переводе с латыни означает «справедливость». Юрист, таким образом, «представитель справедливости». Для профессии юриста справедливость рассматривается как ценность, сопутствующая исполнению нравственного и служебного долга. В юридической деятельности актуальной остается проблема соотношения законности и справедливости. В силу известной консервативности законодательства и сложности современных общественных отношений могут возникать ситуации, когда решение, формально соответствующее законодательству, может оказаться социально или морально несправедливым, в то же время возможно появление ситуации противоположного рода. Однако незаконно принятое решение в принципе нельзя считать справедливым, поэтому необходимо своевременное отражение в законодательстве происходящих в обществе перемен.

Идея справедливости пронизывает законодательство современного общества. Правовое выражение требования справедливости содержится во Всеобщей декларации прав человека, требование справедливости в государстве и обществе воплощается в основных принципах и конкретных нормах Конституции Российской Федерации. Справедливость называют также синонимом правосудия. Правосудие с древних времен изображали с повязкой на глазах, весами и мечом. Это означает, что судья должен быть беспристрастным. Справедливое правосудие со времен Нового времени, когда закон стал представлять собой границу или черту между справедливостью и несправедливостью, стало выступать в качестве равновесного инструмента, с помощью которого нарушение равновесного состояния прав и свобод должно быть устранено [1, с. 105].

Однако вечной и собственно философской проблемой остается осуществление справедливого правосудия. «Праву мало фактической силы, ему нужна духовная оправданность», — утверждает Г. Ч. Синченко [2, с. 141]. Духовное оправдание права происходит в метафизике. Метафизика — то, что лежит по другую сторону чувственного опыта, поэтому ее можно определить как науку о сверхчувственном. Поскольку выход за пределы чувственности осуществляется на основе разума, постольку разум и сверхчувственность оказываются тесно взаимосвязаны. Именно благодаря разуму человек преодолевает узкие границы своего чувствен-

ного опыта, вскрывает лежащие за чувственной реальностью сущностные закономерности мира. Философские системы, которые не ограничиваются познанием чувственной реальности, становятся идейным основанием в представлениях о справедливости. Начало этому исследовательскому дискурсу положили античные классики Платон и Аристотель. Обсуждение этого вопроса не прерывалось в истории философии. Дискурс справедливости, также как и дискурс свободы, разворачивается в трансценденталистской парадигме, утверждающей абсолютную ценность справедливости, недопустимость ее релятивистских трактовок.

Философское понимание свободы сопрягает ее с ответственностью. Однако и здесь не всякая, а только трансцендентальная трактовка свободы определяет ее через нормативность и априоризм [3, с. 19].

Справедливость также нуждается в трансценденталистской интерпретации. При этом если свобода все-таки может быть раскрыта в форме «реальных» свобод и во многом сопряжена с жизненным процессом, то справедливость являет собой выражение разума. Поэтому справедливость претендует на статус глубинного, в высшей степени метафизического основания права, нежели свобода.

Список источников

1. Закомлистов А. Ф. Судебная этика. СПб., 2002.
2. Синченко Г. Ч. Парадокс правоблюстителя. Омск, 2010.
3. Мишагин П. А. Трансцендентальные основания социально-правового дискурса свободы : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2023.

В. В. Кононова

(г. Омск)

Категория «идентичность» в контексте теории прав человека

Прежде чем перейти к сути дискуссии, следует оговориться, что существует множество научных работ о проблемах идентичности, их настолько много, что одно их перечисление выльется в солидную библиографическую брошюру, а подробный анализ — в полноценную монографию. Термин «идентичность» происходит от латинского *identificate* — отождествлять. Под идентичностью в самом широком научном смысле мы понимаем отождествление субъекта с самим собой.

Не подвергается сомнению право каждого человека быть собой, однако когда речь идет о выражении и закреплении этого права, его формализации, то возникает вопрос: как определить понятие себя, и следова-

тельно, своей идентичности? Если задуматься, всякое тождество означает наличие двух сторон: того, кто отождествляется, и того, с кем отождествляются. В случае идентичности обе эти стороны совпадают в одном и том же лице. Значит, вопрос идентичности коренится в проблеме самосознания, сущности человека. Проблема самосознания явно или косвенно прослеживается в развитии философской мысли на протяжении всей ее истории.

Категория «идентичность» появилась в гуманитарном дискурсе в XX в., в том числе как попытка уйти от категорий субъективизма в трактовке самосознания, сделать самосознание личности и саму личность предметом не только философских исследований, но и социологического, и психологического изучения. Но в связи с трудностями объективации самосознания в целом и его механизмов в частности (философская традиция подтверждает этот вывод), определение понятия «идентичность» до настоящего времени носит характер неясности и вызывает споры среди исследователей.

Само понятие «идентичность» введено в гуманитарно-научный оборот родоначальником психоанализа З. Фрейдом. Он использовал этот термин при описании процесса формирования в структуре человеческой психики инстанции Супер-Эго. По мнению Фрейда, становление идентичности начинается с рождения, ребенок приобретает свою идентичность, идентифицируясь с авторитетом, прежде всего, с авторитетом собственных родителей. Идентичность по Фрейду приобретается со временем в процессе отождествления с другим. С самого начала идентичность не носит исключительно субъективного характера, соответственно, идентичность фактически не может осуществиться без Другого, а не просто требует признания Другим [1, с. 37].

Рождаясь, человек попадает под влияние взглядов различных Других, начинает регулярное взаимодействие с Другими, что является, безусловно, естественным способом человеческого существования, и, в конце концов, определяется Другим. Человеческое самосознание требует взгляда на себя со стороны Другого. Человеческое существо развивается в обществе и с младенчества приобретает идентификацию себя с Другими; изначально идентификация себя в малом возрасте происходит с матерью, с отцом, старшими сестрами и братьями, бабушками, дедушками и другими постоянно окружающими его людьми. Предполагается, что человек проходит нормальную последовательность развития, от ранних идентификаций в детстве до более усвоенного самопонимания во взрослой жизни. Идентификация — непрерывный процесс у любого человека, который не бы-

вает окончательным и полным. Вследствие этого идентичность нуждается в постоянной верификации, а самосознание, в свою очередь, свободно и носит творческий характер, а творчество, как известно, неустранимо из человеческой природы и предполагает признание Другими. Ю. Хабермас писал: «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого, как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» [2, с. 115]. В этом случае также идентичность осознается не как нечто сформировавшееся и устоявшееся к определенному возрасту, изменяющееся только лишь в силу существенных перемен жизненных обстоятельств (например, ограничение физических возможностей), а как непрерывное развитие и постоянное конструирование собственной экзистенции через признание и подтверждение этого экзистенциального выбора личности конкретным Другим. На любого человека неоспоримо оказывает колоссальное влияние общество, с которым он взаимодействует, и на индивидуальном уровне формирование идентичности включает в себя развитие как личной, так и групповой идентичности. Идентичность проявляется сознательным чувством уникальности личности и бессознательным стремлением к непрерывности жизненного опыта, и солидаризацией с идеалами конкретной социальной группы. По мнению М. Н. Губогло, идентификация и идентичность субъекта предполагают постоянную верификацию со стороны носителя представлений о той социальной группе, с которой он стремится себя идентифицировать [3, с. 43].

Человеку очень важно быть принадлежащим к семье, к какой-то группе, сообществу, стране. Выдающийся историк XX в. Э. Хобсбаум заметил: «Никогда еще слово «общество» не употреблялось столь неразборчиво и бессвязно, как в десятилетия, отмеченные тем, что сообщества, в социологическом смысле этого слова, становится все труднее обнаружить в реальной жизни» [4, р. 241]. «Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать устойчиво и долго, в мире, где все движется и перемещается, и ничто не является надежным» [5, р. 40]. Остроту и язвительность этому заключению придал социолог Д. Янг: «Как только сообщество распадается, изобретается идентичность» [6, р. 57].

Вследствие изменения геополитической ситуации в мире, многомерности развития социальной действительности, в противовес стихийным социокультурным процессам, происходящим в мире, в обществе отмечается возрастающая потребность в определении своей национальной,

этнической, региональной и религиозной идентичности, возврат к традиционным ценностям, желание не допустить ослабления национально-государственного суверенитета как гаранта сохранения традиционных ценностей и т. д.

Острее всего все эти проблемы проявляются на постсоветском пространстве. В начале 90-х гг. прошлого века М. Кастельс, американский социолог, проведший в России целую серию исследований, писал: «русский народ и народы бывших советских обществ должны будут пройти через восстановление своей коллективной идентичности в мире, где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие экономические и социальные институты еще до того, как они окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих глобальных сетях. Нигде идущая борьба между глобальными экономическими потоками и культурной идентичностью не является более важной, чем на обширном пустыре, созданном коллапсом советского этатизма...» [7, с. 14].

В сущности, обеспечению свободному становлению так понимаемой идентичности служит вся система прав человека. Фактически права человека — это его возможности свободного выбора идентичности. Безусловно, имеются достаточно устойчивые элементы идентичности, такие как раса, национальность или пол, но даже они могут быть изменены самим человеком. Следовательно, речь должна вестись не о праве на идентичность, а о свободе изменения собственной идентичности и свободе ее формирования, обеспечиваемой всей совокупностью прав человека [8, с. 39].

Принимая во внимание важность осмысления и понимания политики формирования идентичности, очень нужно для поддержания научного поиска, чтобы деятели науки объединили все свои усилия.

Список источников

1. *Манаков Д. А.* Категория идентичности в контексте теории прав человека // *Права человека и проблемы идентичности в России в современном мире* / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова. СПб., 2005.
2. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999.
3. *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.
4. *Hobsbawm E.* The Age of Extremes. London, 1994.
5. *Hobsbawm E.* 'The cult of identity politics.' *New Left Review* 217 (1996).
6. *Young J.* The Exclusive Society. London, 1999.

7. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия в мировом контексте // Мир России. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза Т. VIII, № 3(23). 1999.

8. *Резников Е. В.* Особенности влияния правовой социализации на процесс формирования правовой идентичности // Общество и право. 2014. № 2.

Д. В. Попов

(г. Омск)

Государство и биополитика: комплементарное отношение и его генезис

Рождение биополитики как властной организации жизни отдельного индивида и совокупного населения можно (и следует!) связывать с вопросом о происхождении государства. Так, Дж. Скотт, демонстрируя, что возникновение государства не является мгновенным и повсеместным событием, рассматривает формирование первых протогосударств в контексте их непрерывного противостояния безгосударственным народам, обладавшим определенным сложившимся образом жизни, предоставляющим ряд выгод. Например, охотники и собиратели в сравнении с подданными протогосударств, прошедшими через аграрную революцию и ставшими оседлыми земледельцами, имели более разнообразный рацион питания; их стоянки не были густонаселенными и не имели соседства с одомашненными животными, вследствие чего не было опустошительных эпидемий, явившихся следствием перехода патогенов от животных к человеку в условиях антисанитарии и скученности в зонах оседлости. Наконец, охотники и собиратели были более мобильными, больше знали о флоре и фауне, были лучше интегрированы в природную среду обитания, легче адаптировались к изменениям. Дж. Скотт считает, что «жителей гор следует воспринимать как сообщества беглецов и бродяг, сознательно выбравших для жизни необитаемые территории и в течение двух тысячелетий спасавшиеся от угнетения, с которым было сопряжено государственное строительство на равнинах, — от рабства, воинской повинности, налогов, барщины, эпидемий и войн» [1, с. 30].

П. Кластер прослеживает длительное противостояние общества и государства, утверждая, что «первобытные общества — это общества без государства» [2, с. 38], в которых есть вожди, но нет королей, обладающих полнотой суверенной власти, а также нет ни государственного аппарата,

ни государственной бюрократии. Первобытные общества ведут „экономику выживания“, „только если мы понимаем под этим не нужду... но напротив – отказ от ненужных излишков“» [2, с. 38, 41]. Отказ от оседлости и централизации власти, эгалитаризм, семейная экономика, отсутствие монополии на принуждение, сконцентрированной в руках определенной группы лиц, автономия — все эти черты М. Салинз, П. Кластр, Дж. Скотт обнаруживают у многочисленных безгосударственных народов, которые избегали огосударствления. Драматическая борьба между стратегией построения государства и отказом от такового длилась довольно долго, завершилась победой государственности, использовавшей ряд эффективных средств, по своему духу совершенно биополитических.

Дж. Скотт демонстрирует, что государство с момента своего возникновения включает в себя элементы биополитики. В возникшем государстве «одомашнивание зерновых — главное условие постоянной оседлости» [3, с. 65]. Аграрная революция сделала ставку на зерновые. Зерно создавало запасы пищи, являлось мерой обмена и налогообложения (посевы видны; сбор урожая происходит в определенный срок; зерно можно перемещать и хранить без ущерба для него; люди нуждаются в зерне для выживания), привязывало земледельцев к плодородным территориям, делало зависимыми людей от техник земледелия и власти, обеспечивавшей безопасность на сельскохозяйственных угодьях. Зерновые, будучи одомашненными культурами, позволили государству одомашнить человека. «Мы склонны позиционировать свой биологический вид как „агента“ одомашнивания: „мы“ одомашнили пшеницу, рис, овцу, свинью и козу. Но если мы посмотрим на ситуацию под несколько иным углом, то окажется, что это мы были одомашнены» [3, с. 108]. Дж. Скотт полагает, что вслед за доместикацией растений и животных последовали практики одомашнивания человека вообще и женщин, в частности, направленные на регуляцию численности населения, властную организацию труда, расселения, миграции, механизмов безопасности.

Суверенная власть, возникшая в Древнем мире со времен Месопотамии, не только обращается к регламентации закона, но и к регуляциям, основанным на жизненных процессах, в круг которых включен человек как биологическое существо. Более того, особая роль статистики, благодаря которой, следуя М. Фуко, возникает само понятия «население», имеет древние корни, поскольку учет населения и сбор налогов являются ключевыми элементами в ходе образования государств. Дж. Скотт отмечает: «полезно вспомнить, что рабочее определение подданного королевства фиксировало не столько этнический, сколько гражданский статус —

как человека, который должен платить налоги и отрабатывать барщину» [1, с. 236]. Государства Древнего мира осознанно и целенаправленно применяли в отношении населения те же способы, что и биовласть XVIII в.: подданного конструировали с использованием экономических, военно-политических, идеологических и культурных инструментов. Предлагаемая сделка, в ходе которой безопасность обменивалась на лояльность и уплату налогов, подразумевала идеологическую обработку и инклюзию в тот порядок жизни, который устанавливало и поддерживало государство. «Граница, показывающая, где начинается варварство, одновременно отмечает, где заканчиваются налоги и зерновые» [1, с. 52]. Тесная связь между гражданством, учетом населения и налогообложением, например, для Древнего Китая означала, что инкорпорирование в государственное пространство равносильно оплате налогов и звучало как «попасть на карту». Зависимость богатства государства от численности и лояльности населения заставляли власть заниматься «разведением» населения: удерживать подданных гарантиями безопасности, вести набеги с целью захвата рабочей силы, заниматься индокриной населения на основе создаваемого государством «космологического бахвальства», которое было призвано маскировать политическую и военную несостоятельность.

М. Дуглас убедительно показывает, что своими корнями индокриная уходит в далекое племенное прошлое человечества. Так, племена формировали свои космологии, в которых противопоставлялись порядок и беспорядок, рассматриваемый как угроза, опасность, нечистота и загрязнение. Древние общества формировали системы взглядов и ритуалов, направленные на противоборство опасностям и возможности загрязнения. В рамках выстроенной системы упорядоченных отношений осуществляется борьба с тем, что противостоит этому порядку. «Как мы знаем, грязь — это по сути беспорядок... Грязь восстает против порядка... Там, где есть грязь, есть и система. Грязь — это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи, — в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов» [4, с. 23, 65]. В рамках космологий древних всякий носитель воззрений и образа жизни, не вмещающийся в предлагаемую систему взглядов, наделяется признаками опасности, беспорядка и нечистоты. Воспринимаемый как угроза миропорядку, такой человек или группа подвергаются навешиванию ярлыков (клеймению), стигматизации и преследованию. Именно так первые государства относились к безгосударственным народам. Лояльный государству, т. е. платящий налоги и несущий воинскую повинность, становился добро-

порядочным гражданином, а нелояльный безгосударственный сосед опознавался как носитель признаков зла, нечистоты и хаоса. Один и тот же человек, в зависимости от его положения относительно включения либо исключения из государства, мог наделяться либо не наделяться определенным набором качеств, и, соответственно, быть преследователем или преследуемым. В этом способе идентификации усматривается биополитическое использование расизма в той расширительной трактовке, которую ему придал М. Фуко [5, с. 268].

Видимые отличия и различия происхождения служили маркерами гражданства/ подданства, являясь нередко своеобразной зримой печатью прав и возможностей, соответствующих каждой категории населения. Эти стереотипно накладываемые демаркации нивелировали способности индивидуума, его нравственный и интеллектуальный мир, даже экономическое и социальное положение. Демаркация «Свой — Чужой» проводилась безапелляционно и была похожа на межвидовое разграничение. С течением времени многие из этих границ перестали иметь значение. Отголоском этого древнего разделения по признаку лояльности стал институт гражданства. Д. Коченов отмечает, что «суть гражданства заключается в том, чтобы провести через общество линию отчуждения и в результате сформировать новое сообщество из тех, кого признали гражданами — они провозглашаются истинными носителями идентичности, им предоставляют права и защиту, они вправе претендовать на равенство, достоинство и свободу...» [6, с. 82]. Краеугольным камнем национального государства становится добропорядочный гражданин. «Практически все страны мира ... предусматривают обязанность быть „добропорядочным“ и верным гражданином. „Добропорядочные граждане“ не восстают и не ставят под сомнение статус-кво. Более того, они не могут проявлять безразличие и должны активно поддерживать систему власти в обществе, в котором им довелось родиться» [6, с. 195]. Институт гражданства способствует постановке биополитической задачи воспитания лояльного населения, единственно заслуживающего внимания и любви родины.

Уместно также отметить, что возникновение государства непосредственно связано с контролем над определенной территорией. К. Шмитт обоснованно связывает формирование государства и закона (*nomos*) с «захватом земли». «*Nomos* же происходит от глагола *neteîn*, означающего как „разделять“, так и „пасти“... номос — это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым, политический и социальный порядок того или иного народа, первое измерение и размежева-

ние пастбища, т. е. захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок...» [7, с. 51–52]. В акте захвата земли, призванном обеспечить жизнеобеспечение (пропитание, комфорт, условия для выживания рода) и сплочение (единство внутри границ в качестве сообщества друзей и отграничение вовне от чужих в качестве «врагов»), просматривается явная биополитическая перспектива.

Таким образом, биополитическое вмешательство в жизнь человека можно обнаружить уже на стадии возникновения государства. Можно утверждать, что государство и биополитика комплементарны друг другу, если расширенно трактовать скрупулезно рассматриваемое Г. Бейтсоном явление комплементарности как «взаимной дополнительности», подстройки, точного соответствия неоднородных явлений друг другу. Как отмечает Г. Бейтсон, «если... сталкивающиеся сущности имеют различия, эти различия будут изменяться либо в направлении уменьшения различий, либо в направлении достижения взаимного соответствия — комплементарности» [8, с. 191]. Именно так формируются симметричные и комплементарные отношения. «Типичные примеры простых симметричных отношений: гонка вооружений, стремление „быть не хуже соседей“, атлетика, бокс и т. д. Типичные примеры комплементарных отношений: доминирование/подчинение, садизм/мазохизм, забота/зависимость, вуайеризм/экзгибиционизм и т. п.» [8, с. 254]. Отношение между государством и биополитикой описывается в терминологии «взаимного соответствия» — государство нуждается в биополитическом инструментарии, а биополитика приспособлена для государственного строительства. Воспользуемся метафорическим рядом, предложенным Г. Бейтсоном: «Акула прекрасно сформирована для движения в воде, однако геном акулы определенно не содержит непосредственной информации о гидродинамике. Скорее, нужно предположить, что геном содержит информацию или инструкции, комплементарные гидродинамике. В геном акулы встроена не гидродинамика, а то, чего она требует. Аналогично: мигрирующая птица, вероятно, не знает пути к месту назначения ни в одном из вышеприведенных смыслов, однако может иметь комплементарные инструкции, необходимые для полета в правильном направлении» [8, с. 126]. Государство уже в момент своего возникновения содержит комплементарные инструкции, вызывающие к жизни биополитику в качестве властной организации жизни человека во всех ее ключевых процессах. По-видимому, в государстве политическое и биополитическое регулирование появляются практически одновременно. Как минимум, следует признать, что биополитика является предикатом государственности.

Список источников

1. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017.
2. Кластр П. Общество против государства. URL: <http://hrazvedka.ru/guru/obshhestvo-protiv-gosudarstva-per-klastr.html> (дата обращения: 11.05.2023).
3. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2020.
4. Дуглас М. Чистота и опасность. М., 2000.
5. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005.
6. Коченов Д. Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению. М., 2021.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
8. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.

А. Ш. Руди

(г. Омск)

Ностальгическое в идентичности

В современном разнообразии теоретических подходов к пониманию идентичности отдельной проблемой стало само это разнообразие, свидетельствующее не столько об эвристической пластичности и вариативности категории идентичности, сколько о размывании ее содержательной сути. Понимание природы исследовательского интереса к вопросу идентификации, а также прояснение причин актуализации этой проблемы в современном социокультурном пространстве обеспечивается анализом динамики развития смыслов термина «идентичность». По утверждению ирландской исследовательницы М. Моран, при кажущейся традиционности дискуссия об идентичности исторически нова и восходит лишь к середине XX в. — ко времени формирования особого политико-правового дискурса о мере защищенности интересов отдельных социальных групп, не добившихся правового равенства в предыдущие исторические периоды. Прежде всего автор имеет в виду длительную и по большому счету малоуспешную борьбу за социальную справедливость таких гражданских движений в США, как Black Power Movement и Women's Liberation

Movement. Опасная легкость переноса смыслов социальной дискриминации в поле «естественных», «биологических» различий препятствует разрешению многовековых конфликтов и может быть снята риторикой идентичности, указывающей на разницу культурных традиций, исторического опыта и образа жизни макрогрупп, столкнувшихся с расовым или гендерным угнетением. Таким образом, концепт этнической, национальной, гендерной, сексуальной и какой угодно идентичности выступает политико-правовым конструктом, ориентированным на построение нового социального порядка, в котором не продлевается логика установившейся общественной иерархии, с возможным обеспечением преимущества черных, женщин или сексуальных меньшинств, а предусматривается реальная возможность правового равенства всех социальных групп [1, с. 17].

Мысль о культурном, а не о биологическом или естественно-историческом происхождении самости народа возвращает к теоретическому наследию другого европейского исследователя проблемы — К. Леви-Стросса. Так, описываемые К. Леви-Строссом наблюдения за изолированно живущими племенами позволили антропологам сделать вывод о том, что культурные нормы определяют географические и демографические границы существования сообществ, а не предзаданность природно-географических условий диктует культурный порядок [2, с. 122]. Первая глава книги К. Леви-Стросса «Узнавать других. Антропология и проблемы современности» названа «Конец культурного верховенства Запада» и начинается с констатации исторического факта самоопределения западной цивилизацией себя как цивилизации прогресса, имевшего масштабные последствия, одним из которых стало разочарование в исходных западных культурных установках: «Цивилизация западного типа разрушила образец, который сама себе создала, и уже не осмеливается предлагать его другим» [2, с. 13]. Пребывающая в кризисе, исчерпавшая возможности сформированного ею когда-то культурного типа, западная цивилизация, по мысли французского этнографа, должна обратиться к образцам жизнедеятельности, наблюдаемым антропологами у так называемых «примитивных» дописьменных народов, чья отсталость (по западным меркам) — результат потрясений и разрушений, вызванных самим западным миром, вырвавшимся вперед за счет эксплуатации ресурсов и жителей экзотических стран, начиная с XVI в. [2, с. 84]. К. Леви-Стросс отмечает, что нынешняя (книга написана весной 1986 г., но отвечает задачам текущего времени) потребность в знаниях о мировоззрении отдаленных племен существенно отличается

от ранее сформированного этнологического интереса. С XVI в. сведения о «новооткрытых» народах служили почвой для формирования представлений о далеком прошлом, преодоленном западными народами. Парадигма линейного общечеловеческого исторического развития позволяла угадывать общее между западными наблюдателями и аутентичными племенами, различая степень сложности этих общих черт. Антропология конца XX в. приводит к пониманию того, что осознание собственных культурных особенностей возможно лишь в соприкосновении с культурным иным в неизбежной множественности путей развития человеческих сообществ, связанных «общим знаменателем» происхождения.

Обращение к прошлому — значимый и естественный механизм осмысления идентичности, ее конструирования в соответствии с тем, как описывается мир субъектом, каким принимает себя субъект, ощущая сохранение самотождественности в темпоральности жизни. Одна из форм эмоционального переживания и интерпретирования прошлого опыта — ностальгия. Как экзистенциал и вид исторической памяти ностальгия маркирует остро значимые в актуальном моменте ценности, важные как для сущностного самоопределения субъекта, так и для гармонизации связи субъекта с бытием. Ностальгирование — это не только ощущение тоски по прошлому в его идеализированном и мифологизированном виде, но и своеобразная «тоска по бытию», в состоянии которой человек задается вопросами: «что такое мир, конечность, уединение?» [3, с. 344]. Превращение ностальгии из глубоко интимного, приватно и часто болезненно переживаемого состояния, в практику современной массовой культуры, представленную, в частности, реконструкцией прошлого в светлых и коллективно радостно воспринимаемых образах, может рассматриваться как ответ на ускоряющийся темп жизни, на не принимаемые или не полностью понимаемые изменения социальной реальности. Так, пасторальные живописные сюжеты, с характерными для них воздушностью, светом, простором, простотой, утешающе действуют на жителя тесного, шумного, сложного, задымленного урбанистического пространства.

Второе столетие народы планеты живут в условиях часто слишком плотного взаимодействия, пространственно-временные координаты которого окончательно сжались до размеров «глобальной деревни» [4, с. 123] с возникновением электронных средств связи, позволяющих ощущать географически отдаленные события как близкие, узнавать о них одновременно с их возникновением. Надо полагать, что человеку не под силу быть эмоционально включенным во все возникшие на пла-

нете ситуации. Учащение контактов не позволило снять противоречия между различными картинами мира, системами ценностей, не сформировало устойчивую нормативную базу для безболезненного контактирования представителей разных культур. Мировые события последних лет подтверждают истинность интуиций Н. Я. Данилевского, отрицавшего и практическое единство человечества, и отсутствие исторического предназначения у людей, теоретически обобщенных в понятии «человечество», и обоснованность дифференцирования людей по географическим или историческим основаниям, и возможность заимствования, передачи, какого-либо воздействия чужих духовных начал [5].

Список источников

1. Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. № 1.

2. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М., 2016.

3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир — конечность — одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихиной, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб., 2013.

4. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. И. О. Тюриной. Киев, 2004.

5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2008.

А. И. Третьякова

(г. Омск)

Информация как фактор неопределенности формирования идентичности человека в условиях глобализации

В современном мире возможность своевременно получать информацию и умение ею пользоваться занимает важное место в жизни каждого человека. Быстрый рост информационных технологий и множественность информационных ресурсов тому подтверждение. Понятие «информация» является ключевым в современной науке наряду с материей, энергией, пространством и временем. В широком смысле информация включает в себя обмен сведениями между людьми, сигналами между живой и неживой природой, людьми и устройствами. Информация окру-

жает человека повсюду, она содержится в его речи, книгах, журналах, новостных сюжетах и других источниках. Информация есть отражение реального мира с помощью текста, графиков, таблиц, изображений. Один из основателей современной теории информации американский инженер и математик К. Шеннон определял информацию как меру неопределенности события [1, с. 5].

В традиционном обществе информация «неспешна», локальна, зависит от социокультурных традиций и практик в обществе. Она ограничена доступом к образованию и технологиям, формируется благодаря личному опыту и знаниям сообщества. Информация в традиционном обществе тесно связана с этнической спецификой социума, его нормами, непосредственным пространством жизни людей — семьями и религиозными группами. В современном обществе информация понимается как ценный ресурс. Знание о том, как управлять информацией и использовать ее для принятия решений, выступает важным фактором успеха человека. По мере развития техники и технологий человек получает широкий доступ к информации и возможность свободно обмениваться ею.

Пристальное внимание к механизмам и процессам информационного обмена привело к формированию во второй половине XX в. понятия «информационная культура». Под информационной культурой понимают культуру «с точки зрения аккумулируемой, обрабатываемой и транслируемой в ее рамках информации» [2, с. 246]. Исследователи также обращают внимание на различные значимые для человека характеристики информационной культуры. Например, способность гармонизировать внутренний мир личности в процессе освоения социально значимой информации [3, с. 15] или уровень знаний, позволяющий «человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» [4, с. 89]. Под информационной культурой понимается «информационная деятельность аксиологического характера, т. е. обусловленная ценностями культуры» [5, с. 15].

В последние годы исследователи отмечают усиление интереса к вопросу о природе информации, информационной культуры, что в свою очередь позволяет рассматривать старые проблемы с нового ракурса [6, с. 10]. К причинам, побудившим ученых к поиску новых закономерностей, можно отнести мировые глобализационные процессы. Проблема конструирования собственной идентичности стала актуальной для современного человечества. Идентичность выступает основой самооценки человека, его внутренней характеристикой, включает в себя совокуп-

ность личностных установок, помогает оценить свой потенциал. Идентичность формирует представление о том, кем является человек и кем его считают окружающие.

В традиционном обществе формирование идентичности происходит под влиянием национальности, религии, социального происхождения. Конструирование идентичности в глобальном обществе становится более сложным процессом. В своей повседневной жизни человек сталкивается с различными культурами, языками, религиями и традициями, отличными от собственных взглядов. Важное место в формировании идентичности современного человека занимает информационная культура, которая формирует иные условия получения сведений о мире, общения с другими людьми, обучения и развития. В то же время информационная культура может стать источником заблуждения, обмана ввиду неспособности отдельных индивидов верифицировать получаемые сведения, адекватно интерпретировать их. Развитие информационной культуры делает процесс самоидентификации человека более сложным. К трудностям идентифицирования можно отнести размывание культурных границ, изменение роли традиционных ценностей и норм, преобладание массовой культуры и культуры потребления над индивидуальными ценностями и интересами.

Таким образом, необходимо отметить, что информация, получаемая человеком посредством современных информационных технологий, оказывает значительное влияние на формирование его идентичности. В условиях глобализации формирование идентичности социальных субъектов представляется сложно прогнозируемым процессом. Для понимания этого культурного феномена необходимо обратиться к мысли В. Франкла об экзистенциальном вакууме, в котором оказывается современный человек, уже утративший связь с определенными культурными ориентирами своего прошлого, но в текущей динамике жизни еще не сформировал новых устойчивых координат существования [7, с. 111]. С одной стороны, знания о других культурах и традициях становятся более доступными, что способствует их пониманию. С другой стороны, в процессе описываемого знакомства у человека может возникнуть чувство отчуждения от собственной национальной культуры, возможно, недостаточно осмысленной к моменту включения в мультикультурное пространство. Современный глобальный мир требует от людей не только понимания других культур, но и знания своей культуры. В информационном пространстве содержится разнообразный инструментарий для формирования, совершенствования личности и развития общества в целом.

Список источников

1. *Ахтамова С. С., Киргизова Е. В., Рубцов А. В.* Основы информационной культуры. Красноярск, 2016.
2. *Шейкин А. Г.* Информационная культура // *Культурология XX века. Энциклопедия.* СПб., 1998.
3. *Зиновьева Н. Б.* Информационная культура личности. Краснодар, 1996.
4. *Медведева Е. А.* Основы информационной культуры. СПб., 2012.
5. *Гречихин А. А.* Информационная культура: опыт типологического определения // *Проблемы информационной культуры.* М., 2004.
6. *Колин К. К., Урсул А. Д.* Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015.
7. *Франкл В. Э.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

РАЗДЕЛ IV. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА

Ш. Ф. Гаджиев

(г. Москва)

Формирование имиджа как средство проявления профессиональной этики современным преподавателем

Становление профессионализма преподавателя — процесс длительный, требующий постоянного повышения его компетентности. На протяжении всей карьеры преподавателю приходится учиться, совершенствовать методическую базу, решать образовательные задачи, связанные с передачей знаний и развитием личности обучающихся. В связи с этим в профессиональной этике, педагогике и ряде других наук категория «имидж» получила свое заслуженное признание.

Имидж (от лат. *image* — образ, подобие) — это символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия; целенаправленно созданная или стихийно возникшая форма отражения объекта в сознании; эмоционально окрашенный образ кого-либо (чего-либо), который складывается в массовом сознании и имеет характер стереотипа [1, с. 48].

Имидж преподавателя — это образ-представление о педагоге, сформировавшийся у социального окружения путем прямого контакта или вследствие полученной информации, отражающий мнение о преподавателе как личности и профессионале [2, с. 58]. Наиболее значимыми составляющими имиджа преподавателя являются: внешний облик, использование вербальных и невербальных средств общения, соответствие образа профессии внутреннему «я». Данные элементы неразрывно связаны с профессиональной этикой специалиста в области юридических наук.

В структуре имиджа профессионала Л. М. Митиной выделены внешний, процессуальный и внутренний компоненты. *Внешняя составляющая* включает мимику, жесты, тембр и силу голоса, костюм, манеры. Внешний

вид преподавателя может создать рабочее или нерабочее настроение на занятии, способствовать или препятствовать взаимопониманию, облегчая или затрудняя педагогическое общение. Профессиональная деятельность, по мнению Л. М. Митиной, раскрывается через *процессуальную составляющую* имиджа, которая конкретизируется такими формами общения, как профессионализм, пластичность, выразительность и т. д. *Внутренняя составляющая* — это внутренний мир человека, представление о его духовном и интеллектуальном развитии, интересах, ценностях, его личность в целом [3].

Таким образом, имидж преподавателя содержит следующие структурные компоненты: индивидуальные и личностные качества, коммуникативные особенности профессиональной деятельности и поведения. Можно также говорить об общем имидже преподавателя и ситуативном воплощении его образа. В общественном сознании существует, прежде всего, имидж профессии преподавателя, выделяющий наиболее общие характеристики, свойственные разным преподавателям, и закрепляющий их в виде образа-стереотипа.

Е. Б. Осипова отмечает более широкие составляющие имиджа преподавателя: индивидуальный имидж преподавателя (личностные особенности), профессиональный имидж преподавателя (как субъекта деятельности), имидж вуза, в котором работает преподаватель. В последний включается имидж факультета, имидж кафедры, имидж должности [4, с. 77].

А. А. Калюжный выделяет четыре основных компонента имиджа преподавателя: внешний облик, использование вербальных средств общения, использование невербальных средств общения, соответствие образа профессии внутреннему «я». Отдельный компонент внешнего облика несет в восприятии обучающихся свою смысловую нагрузку, но в каждой конкретной ситуации на занятии он может быть существенным или малозначительным. В одном случае важна мимика, в другом — жест, в третьем — костюм преподавателя [5, с. 123]. В ситуации, когда значение внешнего вида преподавателя становится во главу условий первого успеха, согласно социологическим исследованиям, только 19% преподавателей удовлетворены своим внешним видом [1]. На преподавателя смотрят внимательно. Его образ сохраняется в памяти в самых ярких внешних характеристиках. Примером тому могут служить воспоминания писателей и публицистов.

М. А. Лукашенко, А. А. Ожгихина выделяют следующие характеристики имиджа преподавателя по убыванию уровня значимости: экспертность;

умение объяснять; стрессоустойчивость; практическая направленность занятия; этика, нравственность; индивидуальность; реагирование на просьбы; ИТ-компетентность; внешний вид; активность в социальных сетях [6, с. 49].

Таким образом, имидж преподавателя высшей школы — это символический образ субъекта преподавательской деятельности, который создается в процессе субъект-субъектного взаимодействия в рамках целостного педагогического процесса. Проявление профессиональной этики в формировании имиджа преподавателем высшей школы представляет собой сложное явление, которое состоит из внутренней, внешней и процессуальной (вербальная и невербальная коммуникация) составляющих, каждая из которых, безусловно, имеет существенное значение для всей деятельности преподавателя.

В современном мире роль преподавателя в воспитании молодого поколения тем более важна, учитывая значительное влияние образования на формирование мировоззрения, воспитание патриотизма, гражданственности, любви к своей Родине. Совершенствование подготовки педагогических кадров требует не только систематического улучшения содержания и методики обучения, но и становления и развития духовной культуры личности, что обеспечивает полноценную профессиональную деятельность преподавателя в условиях обновляющегося общества. Особенностью педагогического труда является то, что преподаватель призван помочь состояться подопечному как личности и как профессионалу. Коренные изменения, произошедшие в обществе за последние годы, существенным образом изменили представления об образовании, его целях, возможностях и перспективах развития, остро поставили вопрос о приоритетах образования и воспитания.

Рассматривая формирование и становление личности в современном обществе как процесс преобразования человека под воздействием всех без исключения факторов (экологических, социальных, экономических, идеологических, психологических, этических, эстетических и т. д.), преподавателям высшей школы следует учитывать множество аспектов.

Список источников

1. *Шепель В. М.* Магия личного обаяния // Воспитание школьников. 2006. № 4.

2. *Мартынова Н. В.* Профессиональный имидж преподавателя как условие самореализации в современном образовательном пространстве // Сборник конференций НИЦ «Социосфера». Магнитогорск, 2014. № 30.

3. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000695525 (дата обращения: 07.03.2023).

4. *Осипова Е. Б.* Профессиональный имидж преподавателя вуза // Terra Linguistica. 2012. № 2(148).

5. *Калюжный А. А.* Психология формирования имиджа учителя : учеб. пособие. М., 2004.

6. *Лукашенко М. А., Ожгихина А. А.* Имидж преподавателя вуза: мнения и приоритеты студентов // Высшее образование в России. 2019. № 1.

С. В. Денисенко

(г. Омск)

Профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел на современном этапе

Профессиональная мораль есть суть каждого профессионального сообщества, она раскрывает его смыслы и актуальное состояние. Современная профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел сформирована на официальном государственном уровне, функционирует, фиксируя каркас профессионально значимых ценностей, выстраивая в профессиональном обществе осознание «своих», утверждая профессиональную идентичность молодых сотрудников. Изменение геополитической ситуации подтолкнуло к развитию многие профессиональные сообщества, включая полицию. Вопрос об изменении моральной культуры сотрудников органов внутренних дел актуален и в связи с расширением приема на службу новых кадров [1].

Любое социальное развитие связано с противоречиями, берущими начало в общественной жизни и процессах самой профессиональной деятельности. Основную проблему профессиональной морали на современном этапе обозначил в одной из работ полковник полиции в отставке А. В. Щеглов: «Двойные стандарты морали присутствуют везде, от элементарной неискренности до злоупотреблений своим должностным положением, что открывает прямой путь к предательству интересов службы» [2, с. 77]. Часть моральных противоречий становится очевидной в результате громких резонансных событий, которые в средствах массовой информации с неутешительной повторяемостью транслируют самые острые конфликты профессиональной группы. Острые профессиональные моральные проблемы проявляются в коррупции и злоупотреблениях должностным положением, приводящих к судебным процессам и неожиданным кадровым перестановкам в разных субъектах Российской Федерации, и это происходит в полицейской службе далеко не первый год [3].

За время, прошедшее с начала формирования стандарта антикоррупционного поведения сотрудника, основной состав органов внутренних дел ознакомлен с его положениями. Нормативно закреплены и эффективно работают контролирующие механизмы, минимизируя коррупционно опасное поведение сотрудников. В то же время система внутреннего и внешнего мониторинга свидетельствует о недостаточной эффективности борьбы с коррупционными действиями, продолжает формировать моральное неприятие обществом сотрудников полиции. Возглавляют пятерку самых аморальных проступков, по мнению россиян, именно коррупционные действия, их осуждают 85% граждан [4].

Следует выделить еще одну проблему, меняющую моральную ситуацию в сообществе, — индивидуализм как обособленность сотрудников от служебных коллективов. Это моральная проблема конца XX в.: разобщение в обществе достигло высокого уровня, приведшего к необратимой ситуации в среде профессиональных групп, значительно снизило солидарность и товарищество при выполнении профессиональной деятельности. Большое значение по-прежнему имеют личные связи и устные (письменные) положительные рекомендации, поручительства, характеристики с предыдущего места службы при служебных перемещениях. Объединение и солидарность находятся в противоречии с единообразным восприятием руководящего волеизъявления и административных мер.

Важным смыслом профессиональной морали каждого профессионального сообщества является моральная оценка конкретных профессиональных действий, в том числе защита профессиональных прав и достоинства сотрудников. В настоящее время отсутствует механизм эффективной защиты и выражения мнения профессионального сообщества, который существовал десять лет тому назад (комиссии по профессиональной этике или существовавшие до них суды чести). За этот десятилетний срок активизировались профессиональные союзы МВД, которым по силам восстановить утраченный уровень моральной защиты, но и этой профессиональной инициативе не удастся эффективно защищать своих членов. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы и письма профсоюзов, размещаемые на страницах профсоюзных сайтов, например, о службе сотрудников в Республике Крым и службе в столичных подразделениях («Почему народ бежит с Пресни?») [5].

Исключение морального регулирования из жизни служебных коллективов как первичного, так и регионального уровня восполняется привлечением только правовых и дисциплинарных методов. Это фиксирует сужение сферы профессиональной морали, происшедшей в профессио-

нальной среде сотрудников органов внутренних дел. Принятый на этом фоне в 2020 г. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее — Кодекс 2020 г.) привлек внимание к моральной составляющей службы именно как факт завершения долгостроя, которого ждали с 2013 г., когда отправили в переработку предшествовавший ему Кодекс профессиональной этики 2008 г. Кодексу этики и служебного поведения 2020 г. удалось соединить все нормы поведения, закреплённые правовым образом с момента реформы. Появились в нем современные требования к поведению личности в цифровой реальности, что также давно назрело в профессиональной среде. В целом рядовые сотрудники не вникают в требования Кодекса 2020 г. и не особенно тщательно следят за их исполнением. Ушли в прошлое вместе с их достоинствами и недостатками такие моральные инструменты воздействия профессионального сообщества, как суды чести и комиссии по профессиональной этике.

Важным показателем активности профессиональной морали является моральная оценка результатов профессиональной деятельности как адекватное воздаяние за те усилия, которые прилагаются сотрудниками к исполнению служебных обязанностей. Мерилом количественной стороны справедливости являются материальная составляющая, оплата труда и социальные гарантии. Незамедлительна и реакция общества — желание молодежи идти в профессию. Современное общество в целом воспринимает уровень заработной платы как прямую компенсацию за условия труда или его продолжительность. Выпускники профессиональных образовательных организаций сразу по окончании обучения претендуют на оплату, соответствующую работникам со значительным опытом профессиональной деятельности. Оплата сотрудников органов внутренних дел не входит в рейтинг высокооплачиваемых профессий. Уровень оплаты сотрудников полиции остается на уровне средних зарплат по региону, при этом сохраняется тенденция более высокой оплаты труда сотрудников в крупных городах. Самые высокооплачиваемые — полицейские Камчатки, за ними следуют сотрудники столицы и столичных областей, где средний уровень зарплата составляет 60 000 рублей [6]. На этом фоне следует отметить значение моральной поддержки государством полицейских. Число сотрудников, награжденных за добросовестное выполнение служебных обязанностей и героические профессиональные действия, в 2022 г. составило: 480 были удостоены государственных наград, более 10 000 — ведомственных наград. На церемонии награждения отличившихся сотрудников в ноябре 2022 г. министр внутренних дел

В. А. Колокольцев отметил: «С первого дня службы каждый полицейский должен быть готов правильно отреагировать на экстремальную ситуацию, помочь человеку, попавшему в беду, ведь зачастую секунды имеют решающее значение» [7].

Тремя годами ранее, в год празднования 300-летия российской полиции, были награждены около 17 000 сотрудников. 2 июня 2022 г. за успехи в подготовке квалифицированных кадров и к столетию образования Омской академии МВД России коллектив был награжден государственной наградой — орденом Почета [8].

Моральной проблемой, не вполне решенной на данный момент, остается низкое доверие населения полиции. За десятилетие, с 2012 по 2022 гг., согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доверие россиян полиции выросло с очевидно низких 35% в 2012 г. до 62% в 2022 г. Доверие полиции заявила молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, этот показатель составил 73% [9]. Но эта же возрастная группа не считает профессию престижной.

Данные моральные проблемы не скрываются от сотрудников, им есть место в учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет». Курс такого содержания включен во все учебные планы по всем специальностям образовательных организаций МВД России. Рабочие программы учебной дисциплины пошли по пути универсализации, сохранено общее содержание и количество учебных тем. Незначительные изменения произошли на очной форме обучения: за десять лет сократилось количество учебных часов со 108 до 72. В то же время издаются новые учебные пособия, раскрывающие моральные доминанты профессионального сообщества, такие как служебный долг и профессиональная полицейская деонтология, этика доверия и партнерства в деятельности полиции [10, с. 28]. Переиздаются и совершенствуются уже проверенные временем учебные пособия.

Полагаем, что требуется единое педагогическое понимание профессиональной этики, как это было в период существования коллектива кафедры профессиональной этики и эстетической культуры Московского университета МВД России под руководством кандидата педагогических наук, доцента, полковника полиции А. В. Щеглова. Кафедра вела активную дидактическую и методическую деятельность с 2002 по 2017 гг. в масштабах всех образовательных организаций системы МВД. В настоящее время преподаватели наиважнейшего предмета «Профессиональная этика и служебный этикет» определяют педагогические приоритеты на свое усмотрение.

Перемены, происшедшие в профессиональной морали сотрудников полиции, воспринимаются как сужение сферы профессиональной морали сотрудников органов внутренних дел до прямой правовой регламентации.

Список источников

1. *Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации* : указ Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 878. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Щеглов А. В. Ложь в законе: эссе* // Социально-гуманитарное знание. 2022. № 1.

3. URL: <https://omsk1.mirtesen.ru/blog/43618716290/Tenevaya-storona-politicii-cto-izvestno-o-sotrudnikah-UMVD-kotor> (дата обращения: 29.05.2023).

4. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-opredelilis-s-moralju-top-5-amoralnykh-postupkov> (дата обращения: 29.05.2023).

5. URL: <https://www.prof-police.ru/gu-mvd-rossii-po-g-moskve/uvd-potsao/3646-pochemu-narod-bezhit-s-presni.html/> (дата обращения: 29.05.2023).

6. URL: <https://spb.101novostroyka.ru/info/skolko-zarabatyvaet-policejskij-poslednyaya-informaciya/> (дата обращения: 29.05.2023).

7. URL: <https://iz.ru/1419079/2022-11-01/glava-mvd-vruchil-nagrady-30-sotrudnikam-vedomstva-za-spasenie-liudei/> (дата обращения: 29.05.2023).

8. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/30544121/> (дата обращения: 05.05.2023).

9. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring/> (дата обращения: 05.05.2023).

10. *Денисенко С. В. Профессиональная этика и служебный этикет сотрудника органов внутренних дел* : учеб. пособие. Омск, 2021.

О. В. Зуева

(г. Москва)

Морально-этический образ современного российского полицейского: ожидания и реальность

На протяжении последних десятилетий проблема формирования морально-этического образа сотрудника полиции не перестает быть актуальной. Это вызвано, с одной стороны, предъявлением общественностью высоких моральных требований к представителям правоохранительных

структур, с другой стороны, появлением информации об аморальных поступках отдельных сотрудников полиции, вызывающих общественный резонанс. Последнее в той или иной мере оказывает негативное воздействие на престиж полицейской службы и доверие граждан к ОВД.

Необходимо признать, что эффективная борьба с преступностью может осуществляться только благодаря сотрудникам, обладающим высокими морально-этическими качествами. Граждане охотнее идут на контакт с сотрудниками, в профессионализме которых они уверены. Видя перед собой сотрудников, способных проявлять в нужный момент самоотверженность, готовых выполнять свой служебный долг, показывающих нетерпимость к правонарушениям и правонарушителям, граждане больше начинают им доверять.

При выборе профессии полицейского необходимо учитывать то, что это физически и интеллектуально требовательная профессия, требующая высокого уровня эмоционального интеллекта, навыков интерпретации поведения (понимания поведения в индивидуальном, социальном и культурном контексте), а также способности. Сотрудник полиции имеет уникальный статус занятости, поскольку каждый полицейский является уполномоченным сотрудником, принимающим самостоятельные законные решения, включая лишение свободы человека, если это потребуется. Полицейские обладают широкими полномочиями по поддержанию мира и соблюдению закона в сложных и разнообразных сообществах.

Необходимо отметить, что ожидания граждан по отношению к полицейской деятельности не всегда совпадают с реальностью. В связи с этим был выделен перечень основных ожиданий и проведен анализ эмпирических данных, характеризующих реальное состояние дел. Перечень ожиданий включает: безопасность, честность, профессионализм, доступность, уважение, системность и координацию. Остановимся на них подробнее.

Безопасность: граждане ожидают, что сотрудники полиции будут гарантировать их безопасность и защищать от преступников. Ощущение личной и имущественной безопасности граждан входит в число критериев вневедомственной оценки деятельности полиции. Полученные результаты исследований по указанным индикаторам позволяют судить об их устойчивой позитивной динамике [1]. Защищенность от преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество чувствуют 52,1% граждан, что на 1% больше, чем в 2020 г. К сожалению, показатели виктимности населения остались на уровне 2020 г. (8,8%) и выше показателей 2019 г. на 0,3%.

Честность: граждане хотят, чтобы сотрудники полиции были честными и неукоснительно соблюдали закон, не злоупотребляли своими полномочиями и не нарушали прав граждан. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), анализируя высказывания граждан о работе полицейских, предложил им охарактеризовать отдельные качества сотрудников по 5-балльной шкале. Оценивая в 2021 г. выражение «сотрудник полиции неподкупный, честный или взяточник», 27% граждан отметили, что первое качество «выражено в полной мере» и 62% — что выражено второе качество.

Профессионализм: граждане ожидают, что сотрудники полиции будут владеть своими навыками и знаниями, применять правильно и эффективно свои методы и техники работы и находить эффективные решения проблем. К сожалению, грамотность и компетентность сотрудника полиции, по мнению граждан, оставляют желать лучшего. Социологические опросы показывают, что только 30% опрошенных считают сотрудников грамотными и компетентными, а 66% — неграмотными и некомпетентными. Аналогичные результаты были получены при оценке работоспособности сотрудников. Так, 66% граждан считают сотрудников бездельниками и только 30% — работающими.

Доступность: граждане ожидают, что сотрудники полиции будут доступными и открытыми для общения, готовыми помочь при необходимости и выслушать их проблемы и вопросы. Одним из принципов полиции является ее открытость. Под открытостью мы понимаем готовность и желание сотрудников полиции помогать гражданам. «Открытыми» сотрудников полиции считают 26% граждан, «готовыми помочь» — 31%, а вот лицемерными — 62% и безразличными — 64% [2].

Уважение: граждане хотят, чтобы их уважали и не дискриминировали по признаку пола, возраста, расы, национальности или социального статуса. Пункт 1.3 ст. 7 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» гласит, что «сотрудники полиции должны проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию». К сожалению, эмпирические данные, характеризующие данный вид ожиданий граждан, отсутствуют. Вместе с тем отметим, что случаи дискриминации и нарушения прав граждан встречаются, но довольно редко.

Системность и координация: граждане ожидают, что сотрудники полиции работают в согласованности между собой и другими службами

и организациями, чтобы обеспечивать эффективную и своевременную реакцию на преступления и другие экстренные ситуации. Существующие проблемы в системности и координации замечают не только граждане, но и сами сотрудники полиции, которые могут оценить работу правоохранительного института изнутри. Кадровый голод в системе привел к ситуации, когда сотрудники перегружены работой. Они не только не успевают качественно и своевременно выполнять свои непосредственные обязанности, но и эффективно взаимодействовать с другими подразделениями и иными службами.

Таким образом, граждане ожидают, что полиция будет поддерживать закон и порядок, защищать их собственность и жизни, а также быстро реагировать на чрезвычайные ситуации, относиться ко всем гражданам справедливо и с уважением, будет осведомленной, профессиональной и компетентной в выполнении своих обязанностей, открытой и подотчетной. Однако ожидания не всегда совпадают с реальностью. Общественное восприятие сотрудников полиции может сильно отличаться в зависимости от конкретного человека и его опыта. Учитывая, что опыт взаимодействия с сотрудниками полиции выступает решающим фактором, руководству органов внутренних дел необходимо повысить требования к морально-этическим и профессиональным качествам полицейских.

Список источников

1. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 12.06.2023).
2. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (дата обращения: 12.06.2023).

Т. В. Сезонова

(г. Орел)

О профессиональной этике судебного эксперта

Поступательное развитие науки и техники, внедрение новых идей и технологий в повседневную жизнь общества способствует возрастанию роли судебной экспертизы в судебном процессе. Должностным лицам, осуществляющим каждодневное расследование противоправных, общественно опасных и уголовно наказуемых деяний, приходится довольно часто обращаться в своей практической деятельности за помощью к судебным экспертам. Эта профессия относится к специальностям, к которым предъявляются высокие моральные требования, что вызвано

ответственным характером выполняемых функций. В связи с этим и вопросы профессиональной этики судебных экспертов являются достаточно актуальными. Н. С. Колесникова предлагает следующее определение данного понятия : «профессиональная экспертная этика — это совокупность моральных норм организации проведения и непосредственного производства экспертиз, дачи заключения, а также нравственные модели поведения, взаимодействия субъектов судебно-экспертной деятельности между собой и с иными участниками судопроизводства» [1, с. 37]. Главная обязанность эксперта заключается в объективном исследовании предоставленных материалов и объектов. От результатов, отраженных в заключении эксперта, зависят честь, достоинство гражданина, а нередко свобода и дальнейшая судьба, поэтому эксперт должен соблюдать закон и нравственные правила поведения.

Основные положения профессиональных обязанностей определены Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Он закрепляет правовую основу, принципы организации и направление данной деятельности. Самое совершенное законодательство не достигнет поставленных целей его реализации, если не будет достаточного уровня нравственности и ответственности судебного эксперта. Отсюда возникает необходимость развивать и совершенствовать профессиональную этику данных специалистов с учетом ее специфики, проблем, требующих повышенного внимания к нравственной стороне деятельности.

В целях повышения нравственного уровня специалиста разработаны новые поведенческие стандарты, например, кодекс профессиональной этики судебных экспертов. Он включает в себя систему моральных принципов, которые необходимо соблюдать данным специалистам. «Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» действует с 2012 г. (далее — Кодекс). Он дополняет положения законодательных актов, подчеркивает социальную значимость профессии и конкретизирует общие принципы этики применительно к особенностям деятельности судебных экспертов. При разработке Кодекса учтены нормы поведения специалистов, закрепленных в федеральных законах, требования соблюдения Конституции РФ, других нормативных правовых актов, регламентирующих данную деятельность. Кодекс содействует укреплению авторитета, повышению морального облика специалистов. Он предъявляет высокие требования к профессионализму и объективности экспертов, четко обосновывает их обязанности. В нем сформулированы правила, направленные

ные на разрешение этических проблем и устранение злоупотреблений в деятельности судебных экспертов. Этика судебного эксперта основана на принципе законности, защищает правовые интересы государства, всех граждан и лиц, находящихся на территории России, независимо от самых различных факторов, таких как социальное положение, вероисповедание, национальность, политическая принадлежность и т. д.

Основными этическими принципами деятельности, обусловленными спецификой работы судебных экспертов, выступают честность и объективность при проведении экспертизы. Они являются важнейшими условиями для реализации справедливого правосудия. Независимость — важный фактор соблюдения честности и объективности в профессиональной деятельности. Экспертам необходимо учитывать обстоятельства, которые могут повлиять на их способность делать выводы беспристрастно. Если специалист испытывает давление со стороны и невозможно его остановить, то следует отказаться от проведения экспертизы, известив об этом руководителя. Таким образом, нужно учитывать ограничения, способные повлиять на качество и объективность экспертизы.

Судебный эксперт по роду своей деятельности взаимодействует с различными участниками процесса. Это и лицо, назначившее экспертизу, и руководитель экспертного учреждения, и коллеги. Кодекс регулирует их взаимоотношения. Подчеркивается, что основным должно стать взаимоуважение. Корректность, вежливость, сдержанность в отношениях друг к другу способствуют созданию положительного морального климата в коллективе. Каждый специалист должен быть честным в признании своих ошибок, в то же время ему необходимо проявлять принципиальность и соблюдать независимость своего экспертного заключения от мнения коллег, руководителя учреждения. Все отношения в коллективе строятся с учетом общих норм морали. Интересы общего дела должны быть превыше всего, поэтому нужно отказаться от симпатий и антипатий в пользу профессионализма. Строгое соблюдение этических норм поддерживает репутацию и авторитет профессии, а также честь каждого сотрудника учреждения.

Значение профессиональной этики судебных экспертов в том, что она стимулирует выполнение моральных требований в деятельности данных специалистов, а это позволяет повысить доверие к ним со стороны общества [2, с. 164]. Кодекс обеспечивает интересы государства и граждан, снижает риск злоупотребления, повышает ответственность за свои поступки. Профессиональная этика помогает специалистам из-

бежать ошибок, ориентирует на правильную линию поведения в различных ситуациях трудовой деятельности, влияет на формирование нравственных установок в соответствии со специфическими требованиями профессии.

Список источников

1. Колесникова Н. С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5.

2. Кузнецов П. С. Вопросы этики в деятельности судебного эксперта // Российский юридический журнал. 2010. Т. 71. № 2.

РАЗДЕЛ V. ЭТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Р. А. Бондаренко

(г. Москва)

Законодательная база отечественного образования: аксиологический аспект

Последние 50 лет отечественное образование находится на этапе трансформации. Некоторые периоды стабилизации сменяются очередной существенной перестройкой. Это можно отчетливо проследить и в законодательном регулировании, где можно очевидно выделить три основных этапа.

1. До 1992 г. — период действия советского законодательства.
2. С 1992 г. до 2012 г. — действие Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (далее — Закон об образовании 1992 г.).
3. С конца 2012 г. (основные положения закона вступили в действие с 1 сентября 2013 г.) по настоящее время — период регулирования на основании Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

При рассмотрении законодательной эволюции необходимо учитывать аксиологический аспект каждого из выделенных этапов.

Особенностью всего перестроечного и постсоветского этапа развития как образования в целом, так и правового регулирования данного процесса, является отсутствие консенсуса по поводу ценностей, которые могут выступать в качестве целей образовательного процесса. На первом этапе, «позднесоветском» (до 1992 г.), провозглашалась необходимость отхода от авторитарных ориентиров во всех сферах жизни общества. Таким образом, был разрушен общественный консенсус, выстроенный вокруг коллективистских ценностей, разворачивался поиск новых ценностных и целевых ориентиров. В известной мере результатом распада советской ценностной системы можно считать неприятие обществом са-

мой общей системы базовых ценностей, возведение в абсолют принципа плюрализма не только в идеологической, но и в ценностной сфере.

Закон об образовании 1992 г., провозглашая приоритет гуманистических ценностей, по сути пытался сохранить компромиссность целевых установок, что заметно уже из самого определения образования: «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)» [преамбула]. По сути, была заложена система, при которой регулируется содержательная и процессуальная стороны, без регулирования ценностно-целевой. Другими словами, ценностный и целевой аспект отдается на откуп исполнителям и интерпретаторам. Истину происходящего точно выразила С. Ю. Полянкина: «Существуют противоположные аксиологические установки ... У субъектов образовательного процесса отсутствуют общие представления о его смыслах, целях, инструментах, критериях эффективности. Это является причиной неудовлетворенности происходящими реформами и низкой оценки качества образования с различных сторон: административного аппарата, педагогов, обучающихся, их родителей, потенциальных работодателей» [1, с. 9].

Поскольку процесс воспитания (как процесс априори целенаправленный) невозможен без четкого определения желаемого результата, а оно невозможно без консенсуса в обществе по данному поводу, попытка решения проблемы на следующем этапе через максимальное правовое регулирование самого образовательного процесса, включение воспитания в состав образования. Это отчетливо проявляется в действующем Законе «Об образовании в Российской Федерации» и комплексе подзаконных актов. Образование понимается как «общественно значимое благо, единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема сложности в целях интеллектуального, духовно нравственного, творческого и физического развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [ст. 2]. По сути, происходит полное исключение процесса воспитания как наиболее ценностно-нагруженного и, как следствие, наименее определенного в ситуации размытости ценностно-целевых ориентиров. Таким образом, предпринимается попытка разрешения проблемы отсутствия единой системы ценностей, разделяемых обществом через правовую ре-

гламентацию и процессуальное регулирование. Однако подобный подход, снимая остроту проблемы в краткосрочной перспективе (регламентация содержания образовательной деятельности), только усугубляет ее в долгосрочной, воспроизводя ситуацию ценностной неопределенности, вакуума базовых ценностей. Иначе говоря, общество оказалось в ловушке: отсутствие согласия по базовым ценностям приводит к невозможности их отражения в образовании, что влечет формирование поколения с несовпадающими ценностями, что, в свою очередь, ввергает в усиление ценностно-целевой разнонаправленности.

Налицо необходимость общественного консенсуса по ценностным и целевым ориентирам современного образования. Данная проблема осознана на уровне государства. В настоящее время мы находимся на пороге очередного этапа трансформации законодательства, что отражено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2023 г. [2], Указе Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». Консолидация общества, происходящая в настоящее время, создает необходимую основу для определения содержания базовых ценностей, их возвращения в образовательный процесс.

Список источников

1. Полянкина С. Ю. Аксиологические противоречия между концептуальными метафорами современного образования и общества // Философия образования. 2019. Т. 19. № 1.

2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (дата обращения: 29.05.2023).

Л. В. Денисова, Н. С. Рыболовлева

(г. Москва)

Социально-философские и конституционно-правовые основания развития гражданского общества

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения то, что совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества способствует укреплению законности и правопорядка, искоренению коррупции, защите граждан, их собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Представление о гражданском обществе менялось с течением времени и нашло отражение в трудах мыслителей прошлого. Обращает на себя внимание то значение, которое придавалось институтам гражданского общества в эпоху модерна. Вклад А. де Токвиля в становление концепции гражданского общества заключался в том, что он осмыслил демократию как глобальное социальное явление на основе исследования переходных процессов в обществе. Он считал, что стержнем демократии выступает прогрессирующий в истории принцип равенства. По его мнению, структуры гражданского общества, такие как семья, гражданские ассоциации, средства массовой информации, являются необходимым условием для просвещения человека, демократизации, дальнейшего развития и совершенствования всей общественно-политической системы, так как «если не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты, если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые сначала подготовят их к свободе, а затем позволят ею пользоваться, то никто не будет свободен — ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные» [1, с. 237].

Особый вклад в понимание гражданского общества внес Г. В. Ф. Гегель, который считал, что гражданское общество «есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» и называл его такой связью людей, «которая основана на их равенстве как субъектов права, индивидуальной частной собственности, юридической, в том числе договорной, свободе, охране прав и упорядоченном законодательстве» [2, с. 227–228, 305].

В советском правоведении и социальной философии понятие «гражданское общество» утратило свое значение. По мнению О. Е. Кутафина, это произошло потому, что «...освобождение человечества связывалось с уничтожением классовых различий и последующей ликвидацией различия между гражданским обществом и государством путем отмирания государства и, соответственно, права» [3, с. 145]. При этом, как считал О. Е. Кутафин, прогрессивное развитие общественных отношений невозможно без развития институтов гражданского общества. Именно поэтому возрождение интереса к осмыслению сущности гражданского общества приходится на период распада СССР и становится излюбленной темой научных обсуждений как среди юристов, так и среди философов.

По нашему мнению, гражданское общество представляет собой широкую сферу деятельности, которая существует и развивается *отно-*

чительно независимо от государства. Одновременно в обществе в целом формируется потребность к созданию оптимальных условий для взаимодействия государства и гражданского общества. Убеждение, что в институтах гражданского общества степень развития свободы выше, чем в других сферах общественной жизни, является ключевой идеей функционирования гражданского общества в целом.

О. И. Цыбулевская полагает, что «становление гражданского общества невозможно без развития так называемого третьего сектора — обширной сети общественных объединений самой различной направленности. Именно они, выражая горизонтальные связи между элементами гражданского общества, играют роль «несущих» конструкций» [4, с. 141]. И хотя в научном сообществе существуют различные точки зрения на роль общественных объединений в гражданском обществе, следует отметить, что их цели так или иначе связаны с задачами, которые стоят как перед государством, так и перед обществом.

Структура институтов гражданского общества видоизменяется. В настоящее время к институтам гражданского общества может быть отнесено большое количество различных союзов, ассоциаций, объединений, организаций, в том числе религиозных, которым государство не мешает принимать участие в обсуждении и решении вопросов государственного и муниципального значения. Именно эффективное участие в управлении делами государства обеспечивается формированием, становлением и развитием культуры должностных лиц органов государственной власти и граждан, а также надлежаще организованным взаимодействием между ними.

В Конституции РФ содержится ряд положений, касающихся гражданского общества в России и создающих благоприятные условия для его совершенствования (ст. ст. 1, 2, 12, 13, 30, 75.1 Конституции РФ). Кроме того, следует отметить важную поправку, внесенную в 2020 г. в ст. 114 Конституции РФ, согласно которой Правительство РФ осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, а также обеспечивает их участие в выработке и принятии государственной политики. Это означает, что теперь принятие важных государственных решений вряд ли будет возможным без учета мнения гражданского общества. Можно сказать о том, что эта поправка является еще одним шагом в процессе институционализации гражданского общества.

Оптимизация сотрудничества и взаимодействия органов государства с институтами гражданского общества, укрепление доверия граждан к институтам государственной власти, повышение эффективности обще-

ственного контроля за деятельностью органов государственной власти позволит повысить действенность государственного управления. В то же время нельзя не принимать во внимание то, что в любом государстве так или иначе реализуется право, которое включает и контроль над деятельностью всех структур общественной жизни. Развитие институтов гражданского общества приводит к тому, что они сами становятся субъектами контроля за деятельностью органов государственной власти.

В заключение следует отметить, что в последние десятилетия в Российской Федерации гражданское общество может активно участвовать в формировании и функционировании государственной власти. Тенденции последних лет свидетельствуют о том, что государство заинтересовано в участии общества, о чем свидетельствует и закрепление конституционных гарантий поддержки государством институтов гражданского общества и возможности участия общественных организаций и объединений в формировании и проведении политики государства. Для этого создаются проекты, позволяющие обычным гражданам влиять на принимаемые решения. Открывшиеся возможности цифровой реальности трансформировали механизмы участия граждан, институтов гражданского общества в государственном управлении, способствовали повышению уровня контроля за деятельностью государства, а также сделали деятельность государства более открытой.

Список источников

1. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
3. Государственное право Российской Федерации : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, Н. А. Михалева, Ю. И. Скуратов. М., 1996.
4. *Гражданское общество и общественные объединения // Становление гражданского общества в России (правовой аспект) / под ред. канд. юрид. наук, доц. О. И. Цыбулевской.* Саратов, 2000.

С. Л. Ивашевский

(г. Нижний Новгород)

Правовое сознание в интернет-коммуникациях

В настоящее время огромную роль в формировании правового сознания играют различные формы интернет-коммуникаций, ставших неотъемлемой частью жизни современного человека. Серверы интернета очень востребованы всеми, кто заинтересован в информационной экс-

пансии в социокультурное пространство личности и общества. В условиях доступности информационных технологий интернет-ресурсы определили легкость доступа к аудитории, обеспечивая, при необходимости, анонимность проникновения, имея высокую скорость передачи информации и глобальное распространение среди населения. Использование различных возможностей цифровых технологий позволяет решать задачи дешевизны используемых ресурсов, простоты в доступе к ним и обслуживании, а главное, действенности в формировании общественного сознания.

Реалии демонстрируют нам, что сеть Интернет является одним из главных инструментов формирования правового сознания. Так, данные социологических опросов показывают, что отношение молодежи к иным этносам и религиозным объединениям определяется информацией, полученной посредством сети Интернет. Исследования фиксируют, что после прочтения на страницах сайтов негативных публикаций о каких-либо народах 49% респондентов пересмотрели свое отношение к ним в худшую сторону. Интересно отметить, что никто из анкетированных не выбрал ответ «никогда не встречался с подобной информацией». Довольно много и тех, кто заявил о появлении религиозной неприязни после прочтения негативных постов — 39% [1, с. 102–103].

В связи с этим уместно говорить о манипулятивных возможностях современных коммуникационных технологий и направленности их использования. Манипуляция общественным сознанием — это скрытое психологическое воздействие на психику членов общества, задачей которого выступает установление контроля над поведением массовой аудитории и изменение общественного мнения [2, с. 133]. Наиболее значимыми задачами, при решении которых достигается цель манипуляции массовым сознанием, являются следующие: создать «псевдоистинную» информацию; изменить в свою пользу сведения путем неполной или односторонней подачи; интерпретировать факты в выгодном для манипулятора свете; вырвать часть фразы из сообщения, изменив при этом смысл текста.

В современном обществе такие понятия, как массовое сознание, манипулирование и идеология встают в один ряд и употребляются вместе. Массовость сознания активно формируется всеми формами распространившейся массовой культуры и средствами массовой коммуникации. Вообще сознание в своем функционировании дает субъекту возможность уяснять природу определенных явлений и процессов. Оно выступает потенциальным формированием представлений о мире и себе, через его призму

человек принимает основные знания и ценности. Массовость же сознание приобретает в группе. Еще З. Фрейд в своих работах отождествлял массовую душу с душой примитивного человека, указывал, что сознание массы настолько примитивно, что она не в силах отличить истину от лжи, поэтому нередко совершает нерациональные поступки [3, с. 111].

С. Московичи в ряде произведений, таких как «Машина, творящая богов» и «Век толп», обобщает идеи Г. Лебона [4, с. 207] и приходит к выводу, что психология толпы или, по-другому, массовое сознание — это не что иное как человеческая совокупность, обладающая психической общностью [5, с. 76]. Именно в общности, обладающей массовым сознанием, манипулятивные практики имеют безграничные возможности. Совокупность различных представлений об объекте приобретет однородность только в том случае, если хотя бы часть массы будет «заражена» идеей и, благодаря убеждению, внушению и иным формам манипулятивного воздействия, «заразит» и всю социальную общность.

Сегодня кроме традиционных практик создания массовых общностей, существуют специализированные интернет-технологии, позволяющие создавать любые сообщества на основе самых разнообразных интересов, обеспечивать их непрерывную внутреннюю коммуникацию, проводить онлайн-тренинги и обучение. Сетевые виртуальные группы, безусловно, имеют свою специфику, но при этом сохраняют общие с офлайн-сообществами «слабые места», прежде всего, уязвимость к манипуляциям. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий уже длительное время оказывает влияние на культуру современного общества, его язык, ценности, способы отношения к миру. Традиционно наиболее подверженной новым веяниям технического прогресса считается молодежь. Ее увлеченность цифровыми технологиями привела к превращению коммуникации в самоцель, где смысловая наполненность языка совершенно утратила свою актуальность. Для многих сегодня востребована лишь информация, но не мысль и не критический анализ.

Новая цифровая реальность разрушает саму природу языка, его антропологическое движение от мысли к звуковому выражению. Цифровая культура меняет язык, в ее контенте нет места мыслям. Слово, лишенное смысла, изменяет и самого человека, использующего его. Он просто перестает обнаруживать в себе потребность к осмыслению. Страдает интеллект, деградируют познавательные способности, критичность мышления. Повышается степень управляемости подобной личностью, уровень манипулятивности ее сознания.

Характер социальной коммуникации изменяется, в нем все более весомую роль играют компьютерные технологии. Общение все более становится опосредованным техническими средствами. Это ускоряет процессы коммуникации, но ослабляет уровень социальности, создает новые формы социальных отношений, в которых нет места содержательному общению, духовности. Глубина смыслов размывается доступностью и легкостью технологических новаций. В условиях, когда человека в коммуникативном процессе замещает экран (монитор, смартфон), коммуникации естественным образом упрощаются, примитивизируя и самого человека, его культурные потребности. В такой системе человек становится программируемым и в своей программируемости нуждается только в словах: командах, сигналах. А правовое сознание приобретает характер «подключаемой опции» в пределах, заданных разработчиком «программы».

Список источников

1. *Панфилова Ю. С.* Экстремизм в виртуальной среде как социальная проблема: отражение в сознании молодежи // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9(87).
2. *Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации* / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М., 2014.
3. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // «Я» и «ОНО». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
4. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 2021.
5. *Московичи С.* Век толп: исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

С. В. Козлов

(г. Тверь)

Понятие легитимного порядка в концепции М. Вебера

Понятию легитимности отводится важное место в современных социальных дискурсах. Целостную научную концептуализацию легитимности в рамках обществоведческого дискурса впервые осуществил М. Вебер, что способствовало вхождению понятия в широкий обществоведческий оборот. Концептуализация была реализована им в двух взаимосвязанных плоскостях: применительно к социальному порядку в целом и к власти.

Концептуальные рамки построений немецкого ученого определены принципами и задачами его «понимающей социологии», наследующей (в существенно переосмысленном виде) установки неокантианства баден-

ской школы. Согласно Веберу, науки социогуманитарного типа стремятся «познать жизненные явления в их культурном значении» [1, с. 373–374]; основанием же для выделения культурно значимого выступает «интерес эпохи». Будучи выраженным в виде теоретической схемы («идеально-типической конструкции»), «интерес эпохи» проецируется на эмпирическую реальность и становится организующим принципом ее познания [1, с. 380–414, 570].

«Реальность социального» мыслится Вебером в антипозитивистском ключе: не как совокупность фактов по аналогии с фактуальностью естественно-природного порядка, а через призму смыслов и значений, связываемых субъектами с осуществляемыми ими действиями и взаимодействиями. В оптике подобных установок особую важность приобретают проблемы социального порядка, власти, господства, рассматриваемых в аспекте оснований их (порядка, власти, господства) «значимости» для субъектов социального действия, «признания» этими субъектами наличных общественных реалий, что выражается у Вебера в понятиях легитимности и легитимного порядка.

Общественные реалии представляются им как перманентно конституируемые в действиях и взаимодействиях субъектов. Под социальным порядком он понимает такое «смысловое содержание социального отношения», в рамках которого поведение индивидов (в среднем и приближенно) ориентировано на определенные правила-максимы. Очевидно, что фактическая ориентация субъектов на определенный порядок может определяться различными мотивами (от привычки до соображений интереса). Исходя из этого ученый уточняет, что если эта ориентация имеет место «также и потому, что она „значима“, т. е. рассматривается участниками как обязательная или служащая в качестве образца», тогда следует говорить о «значимости» порядка как такового, т. е. о его «легитимности». Соответственно, *легитимный порядок* трактуется Вебером как *порядок, имеющий «престиж обязательности и образцовости»* [2, с. 90]. Такой порядок характеризуется им как обладающий гораздо большей устойчивостью, чем порядок, основанный на одних лишь целерациональных мотивах, или порядок, основанный только на обычае, привычке к определенному поведению [2, с. 90].

Важен вопрос: как гарантируется легитимность социального порядка? Согласно Веберу, это может достигаться как внутренним, так и внешним образом. *Внутренне* легитимность может быть гарантирована: 1) *аффективным*; 2) *ценностно-рациональным*; 3) *религиозным* образом. В первом случае имеется в виду чисто эмоциональная приверженность

наличному порядку социальной жизни; во втором — уверенность в его непреложности как выражении неких безусловных ценностей и норм; в третьем — вера в то, что от сохранения данного порядка зависит высшее благо и спасение людей [2, с. 92].

Легитимность может гарантироваться и внешне, т. е. ожиданием специфических внешних последствий, связанных со следованием данному порядку или с уклонением от него. К внешним гарантиям легитимности Вебер относит *конвенцию* (понимая под ней условность, приобретающую форму обычая) и *право*. При этом он акцентирует внимание, что «внешне» гарантированные системы могут быть гарантированы и «внутренне» и наоборот [2, с. 94].

М. Вебер исходит из того, что социальный порядок обычно связан с теми или иными формами властных отношений. Осмысливая власть в формах социального господства, он сосредоточивается на механизмах, обеспечивающих добровольное подчинение. Ученый связывает такое подчинение с авторитетом власти в глазах тех, кто готов ей подчиняться. При этом он выделяет три вида «внутреннего оправдания» подчинения властным инстанциям: а) авторитет традиций; б) авторитет личных достоинств, харизматических качеств носителей власти; в) авторитет рациональности легальных установлений [1, с. 646–647; 2, с. 254–255]. Отсюда проистекают три веберовских «чистых типа легитимного господства»: традиционный, харизматический, легально-рациональный. Причем и традиционное, и харизматическое господство, согласно Веберу, персонафицированы, опираются на личные отношения между господствующим и подчиненными, тогда как легально-рациональное имеет безличный характер [2, с. 525]. Важным добавлением выступает утверждение автора о том, «что основой *любого* господства, а следовательно, и *любого* подчинения, является вера, создающая престиж господствующего или господствующих. По своему характеру она не бывает однозначной. При легальном господстве она *никогда* не является чисто легальной. Она всегда „привычная” вера, т. е. еще и обусловлена традицией, разрушение которой может ее уничтожить» [2, с. 300]. Эта своего рода обмолвка показывает всю двойственность трактовки легального господства Вебером: последнее в качестве «идеального типа» конструируется им как имеющее основой целерациональное действие, т. е. «планомерное приспособление к соображениям интереса», ведущее в пределе к устранению примеси всякой традиционности и не обладающее собственным ценностным фундаментом, и одновременно Вебер констатирует наличие в данном типе господства примеси «традиционности» (в смысле привычности самой веры

в легальность порядка, в соответствии с которым реализуется власть) как условия его (данного типа господства) осуществления.

В целом в концепции Вебера легитимность получает преимущественно субъективистскую направленность: легитимность понимается не столько как свойство некоего социального порядка, сколько как свойство определенного представления о нем, отправляясь от которого, люди ведут себя определенным образом, устанавливая соответствующие отношения друг с другом. В таком случае подразумевается, что нет абсолютной противоположности между легитимной значимостью социального порядка и отсутствием таковой: порядок легитимен в той мере, в какой он признается социальными субъектами, оказывается «значимым» на уровне осуществляемых ими действий и взаимодействий. Очевидно, что подобный подход связан с отрицанием существования абсолютных стандартов легитимности, в том числе основанных на «естественном праве» [3, с. 92–93]. Одновременно веберовская концептуализация связана с представлением, что в объективном смысле легитимность подразумевает способность некоего порядка (включая порядок властвования-господства) поддерживать у индивидов веру в его собственную значимость и обоснованность, утверждать значимость собственных норм и максим на себе же самом. Разграничивая традицию, харизму и рационально-легальное установление в качестве «идеально-типических» оснований властного авторитета, сообщающих соответствующему порядку господства характер легитимности в глазах подвластных, Вебер полагал, что в социальной эмпирии мы, как правило, имеем дело с некими смешанными типами господства. Исходя из этого, он апеллировал к идее смешанной легитимности, в рамках которой власть базируется на поддержке народа, заданной различными типами легитимности и в каких-то их пропорциях.

Список источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Вебер М. Хозяйство и общество : в 4 т. Т. 1. М., 2016.
3. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991.

И. Н. Кур

(г. Москва)

Конфиденциальность информации как правовая ценность

Современное технологическое развитие вносит существенные изменения в качественную составляющую жизни личности, общества и государства. Содержательно развивается общественная жизнь. Действитель-

ность вокруг нас видоизменяется и трансформируется в новое качество. Большое влияние начинает оказывать информация, выступающая в различных проявлениях, переставшая быть совокупностью определенных сведений, данных. Информация стала сферой человеческой действительности. Под таким влиянием видоизменяется и система человеческих ценностей, формирующая качество и состояние человеческого бытия.

Одним из аспектов информационности в современном обществе является вопрос о конфиденциальности информации. В связке с данным явлением возникают дополнительные вопросы: что представляет собой конфиденциальная информация? Какова ее особенность? Какова правовая ценность такой информации?

Чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, необходимо рассмотреть «правовую ценность конфиденциальности информации» с позиции философского учения — аксиологии — раздела философии, посвященного изучению явления «ценность» в различных ее проявлениях в объективной действительности. Роль такой информации определяется несколькими значениями. Одним из них является надбытийная ценность конфиденциальной информации. Согласно философской концепции Г. Риккерта, ценность устанавливает соответствующие ей цели и задачи, определяющие, с одной стороны, волю и деятельность в реальности [1, с. 41]. Так, конфиденциальная информация, выступая ценностью, устанавливает цели и задачи, а в последующем — и меры по охране и защите таких данных. С другой стороны, ценность конфиденциальности определяется соотносительностью с носителями такой информации (В. Штерн) [2, с. 231–233]. Например, такая информация для одного человека будет являться существенной ценностью, а для другого не будет представлять никакого значения, так как он по различным причинам не сможет использовать ее для достижения своих целей.

Упомянутые позиции раскрывают отдельные характеристики конфиденциальной информации как ценности, а именно: деятельная предопределенность и значение такой информации для носителя. Они прямым образом отражаются в законодательстве Российской Федерации, предопределяя ее правовую ценность, т. е. значимость конкретной конфиденциальной информации для отдельных граждан, общества в целом, государства. Законодатель, используя правотворческую деятельность, систематизирует конфиденциальные сведения в зависимости от направления деятельности, формулирует определенные «правила» оборота такой информации и устанавливает юридическую ответственность за нарушения, связанные с состоянием конфиденциальности.

Отстраняясь от аксиологического подхода, стоит отметить, что существуют определенные попытки измерения ценности информации и в технических науках. Специалисты данной отрасли сформулировали аксиому: число свойств и возможных состояний информации предопределяют ее ценность в деятельности [3, с. 21]. Существуют четыре свойства информации: объективность, достоверность, полнота, актуальность. Они относятся и к конфиденциальной информации, но все же не раскрывают ее содержание полностью, отражая поверхностные аспекты такого явления.

Законодательство РФ не содержит юридического понятия «конфиденциальная информация». При этом законодатель использует другое понятие — «конфиденциальность информации», изложенное в п. 7 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], определяя последнее как свойство, как правовой режим такого явления. Изучение других отраслевых норм (гражданское право, административное право, уголовное право и др.) позволяет выделить несколько основных свойств, характеризующих конфиденциальность информации и конфиденциальную информацию как правовую ценность: определенность сведений, данных; ограниченность круга лиц, владеющих такой информацией; особый порядок ее оборота; наличие определенной ценности; наличие юридической ответственности. При этом конфиденциальность и конфиденциальную информацию необходимо рассматривать как состояние и сущность.

Как правовая ценность конфиденциальная информация определяется следующим образом — это определенная система сведений (данных) в различных ее проявлениях (устная, документальная, электронная), имеющая ценность для личности, общества, государства, характеризующаяся изоляцией таких сведений от широкого круга субъектов восприятия путем внедрения особого режима оборота такой информации, за нарушение условий которой наступает юридическая ответственность.

Список источников

1. Загирняк М. Ю. Понятие ценности у Г. Риккерта и его интерпретация в философии С. И. Гессена // Кантовский сборник. Калининград. 2012. № 1.

2. Ан С. А., Белинова О. А. Концептуализация ценности как философской категории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2, Т. 1.

3. *Авсентьев А. О.* Определение ценности информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2016. № 1. Т. 19.

4. *Об информации*, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К. Д. Николаев

(г. Омск)

Отражение пространства в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ

Пространство так или иначе находит отражение в нормах Особенной части УК РФ. Следует отметить, что ранее действовавшее уголовное законодательство содержало определенные ограничения действия некоторых норм в пространстве. Так, глава 11 УК РСФСР 1960 г. «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» включала ст. 236 «Пределы действия главы одиннадцатой настоящего Кодекса», которая гласила: «Действие настоящей главы распространяется на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев» [1, с. 114]. Полагаем, что в период действия УК РСФСР 1960 г. предписания данной нормы не вызвали вопросов и выглядели логично. Однако законодательная техника того периода небезупречна, так как возникал вопрос: почему остальной территории РСФСР (кроме местностей, указанных в ст. 236) запрещенные нормами главы одиннадцатой деяния преступными не являются? В частности, деяния, ответственность за которые была предусмотрена ст. 235 УК РСФСР 1960 г. «Двоеженство или многоженство»? В действующем УК РФ подобные ситуации исключены.

Не будем подробно останавливаться на рассмотрении пространственных характеристик действия уголовного закона и анализе соответствующих принципов (территориального, гражданства, универсального и реального). Однако следует отметить, что Особенная часть УК РФ содержит нормы, действие которых связано с определенной территорией. Например, согласно ч. 1 ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации» престу-

плением признаются «незаконное создание, эксплуатация, использование искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе Российской Федерации, незаконное создание вокруг них или в исключительной экономической зоне Российской Федерации зон безопасности, а равно нарушение порядка создания, эксплуатации, использования, охраны и ликвидации созданных искусственных островов, установок и сооружений и средств обеспечения безопасности морского судоходства». Диспозиция ч. 1 ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» тоже содержит указание на определенные характеристики места совершения преступления или, иначе говоря, территорию, на которую распространяется действие данной нормы. Так, преступлением признается незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (за исключением водных биологических ресурсов континентального шельфа Российской Федерации и исключительной экономической зоны Российской Федерации), если это деяние совершено в местах нереста или миграционных путях к ним (п. «в» ч. 1 ст. 256), на особо охраняемых природных территориях либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (п. «г» ч. 1 ст. 256). В соответствии с ч. 2 рассматриваемой статьи наказывается незаконная добыча котиков, морских бобров или других млекопитающих в открытом море или в запретных зонах. Согласно п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ преступлением признается незаконная охота на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Полагаем, что общественная опасность соответствующих деяний напрямую зависит от их совершения на определенной территории, в связи с чем применяемая для конструирования рассматриваемых составов преступлений юридическая техника, заимствованная из законодательных актов предшествующих периодов, не является «рудиментом», а наоборот, свидетельствует о преемственности в подходах к изложению уголовно-правовых предписаний. Эти примеры наглядно иллюстрируют отражение пространства в нормах Особенной части УК РФ.

Если посмотреть на данную проблему под другим углом, то пространство можно охарактеризовать с точки зрения распространения (преобладания) на определенной территории той или иной модели построения, развития и функционирования уголовного права (законодательства). Речь идет о правовых семьях (романо-германская, англосаксонская, му-

сультманская и др.). В рамках названных правовых семей формируются собственные правовые системы.

Таким образом, пространство в ряде случаев непосредственно находит отражение в нормах Особенной части УК РФ. В более широком понимании пространство выступает в качестве внешнего системообразующего фактора, влияющего на содержание уголовно-правовых норм. В самом общем виде это выражается как в пространственных характеристиках действия уголовного закона, содержания соответствующих принципов (что находит отражение, например, в нормах Общей части УК РФ), так и формулировках конкретных составов преступлений (что закреплено, например, в нормах Особенной части УК РФ).

Список источников

1. Уголовный кодекс РСФСР : официальный текст с изменениями на 1 августа 1962 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. М., 1962.

В. Ю. Пластун

(г. Омск)

Потребительский экстремизм как консьюмеристская практика

Общество потребления, описанное Ж. Бодрийяром в середине XX в., к началу XXI в. сложилось во всех экономически развитых странах. Формирование общества потребления стало возможным благодаря изобилию производимых товаров, переполненному рынку услуг и активному продвижению потребительской идеологии со стороны международных корпораций и государственной поддержки активного потребительского поведения граждан. Потребление и производство товаров и услуг положительно сказывается на национальных экономиках [1, с. 109]. Поддержка потребителя со стороны государства путем создания правовой базы, гарантирующей защиту прав потребителя, а также практика применения соответствующих правовых норм создают условия для девиантного потребительского поведения.

Одним из примеров такого поведения может служить экстремистское потребление или потребительский экстремизм. В настоящее время ни одно из вышеупомянутых понятий в отечественном законодательстве не получило правового закрепления. В то же время ст. 10 Гражданского кодекса РФ устанавливает запрет на злоупотребление правом, иными словами, не допускается, пусть и правомерное, осуществление своих

прав, но в целях причинить вред другому лицу, а равно и иное недобросовестное поведение. Если толковать положения гражданского законодательства РФ в системной связи, становится очевидно, что потребитель, пользуясь своим привилегированным положением, имеет возможность получить право владения и пользования товаром, но не преследуя цели получить на него право собственности на постоянной основе. Например, извлекать полезные свойства из товара и впоследствии возвращать его продавцу в течение 14 дней с момента приобретения, сославшись на ст. 25 Закона РФ «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) [2].

Кроме того, имеют место факты отказа от исполнения договора купли-продажи качественного товара, вышедшего из строя ввиду нарушения правил техники эксплуатации. В таких случаях потребитель имеет возможность утверждать, что приобретенный им товар изначально был некачественным, а недостатки были обнаружены им уже в процессе эксплуатации. Согласно положениям ст. 18 Закона о защите прав потребителей, если недостатки были обнаружены в гарантийный период, бремя доказывания лежит на продавце. Доказать нарушение правил эксплуатации часто становится достаточно проблематичным, что и приводит к злоупотреблению потребителями своими правами. Такое поведение потребителя в юридической науке и среди практикующих юристов чаще всего именуется потребительским экстремизмом [3, с. 144; 4, с. 23]. Одним из самых упоминаемых случаев потребительского экстремизма считается взыскание морального вреда с McDonald's за продажу слишком горячего кофе: в 1992 г. Стелле Либек удалось взыскать 2,7 млн долларов [5]. В российской практике примером потребительского экстремизма может служить дело № 2-2896/2015, согласно которому истец приобрела квартиру в строящемся доме на первом этаже, а во время осмотра квартиры в уже построенном и введенном в эксплуатацию строении истца не устроил вид из окна, в связи с чем был предъявлен иск, в котором содержалось требование о компенсации морального вреда [6].

Данный пример из судебной практики позволяет прийти к выводу, что правовое развитие регламентации потребительской сферы значительно расширило права потребителя, что, безусловно, положительно сказалось на объеме потребления как товаров, так и услуг. Поскольку расширенные права потребителя в достаточной степени гарантируют безопасность сделки, постольку конкретный индивид испытывает чувство защищенности со стороны государства. К такому чувству стремится

каждый человек [7, р. 377], а слоган «покупатель всегда прав» не только закрепляет это ощущение, но и тешит самолюбие. Такое положение приводит к гиперболизации собственной значимости, создает ложное впечатление контроля и власти, что, в свою очередь, приводит к сложной моральной дилемме использовать существующие механизмы в эгоистических целях, нередко злоупотребляя своим правом во вред правам других участников потребительских общественных отношений.

Феномен «экстремистского поведения» возникает не только ввиду наличия правового механизма для злоупотребления потребителем своими правами, но и по причине потребительского мировоззрения, формирующегося в обществе потребления. Но является ли такое поведение потребителя благом для самого субъекта? На первый взгляд, да, так как злоупотребление потребителем своими правами влечет за собой негативные последствия прежде всего для продавца. Вместе с тем необходимо учитывать, что продавцы закладывают в цену товара все расходы, следовательно, убытки, возникающие в результате потребительского экстремизма, рано или поздно приведут к увеличению цены на реализуемые продавцами товары.

Таким образом, правовой нигилизм потребителей не только нарушает основы гражданского законодательства, но и ставит в неравное положение добросовестных потребителей с потребителями, практикующими экстремистское потребление. Кроме того, такой вид девиантного поведения покупателей нарушает категорический императив Канта [8, с. 260], следовательно, такое поведение является не только неэтичным и неправомерным, но и контрпродуктивным для человека, практикующего потребительский экстремизм.

Список источников

1. *Межиров Б. Л.* Потребление как сфера рыночной экономики // *Сервис в России и за рубежом.* 2012. №1 (38).
2. *О защите прав потребителей* : закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Коноплянникова Т. В., Пашкова Е. П.* Потребительский экстремизм как правовое явление // *European scientific conference* : сб. ст. VII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2017. Ч. 2.
4. *Нилов И. Л.* Возникновение потребительского экстремизма // *Евразийская адвокатура.* 2018. № 5(36).
5. URL: <https://www.tortmuseum.org/liebeck-v-mcdonalds/> (дата обращения: 29.05.2023).

6. URL: <https://pravo.ru/story/226773/> (дата обращения: 29.05.2023).
7. *Maslow A. H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. July 1943. № 4.*
8. *Кант И. Основы метафизики нравственности / Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.*

РАЗДЕЛ VI. ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Философско-правовое учение П. И. Новгородцева: современное звучание

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) — русский мыслитель эпохи Серебряного века, основатель идеалистической школы в русской философии права. Его ученики И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Г. В. Флоровский, Н. Н. Алексеев и др. П. И. Новгородцев окончил юрфак Московского университета (1886), продолжил образование в научной командировке в Берлине и Париже. В 1903 г. в Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». С 1904 г. являлся ординарным профессором Московского университета (ушел оттуда в 1911 г. в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо). С 1906 г. по 1918 г. служил ректором Московского коммерческого института. С 1905 г. — член партии кадетов, а с 1917 г. — член ее центрального комитета. В 1918 г. стал одним из руководителей подпольных антибольшевистских центров в Москве, а с конца 1918 г. — участником белого движения на юге России (Екатеринодар, Харьков, Крым). В 1920 г. эмигрировал в Берлин, с 1921 г. проживал в Праге, где основал Русский юридический институт (факультет) в Пражском университете и возглавлял его до своей смерти.

В своих теоретических построениях П. И. Новгородцев критикует социологические и юридические концепции, исходящие из признания объективной реальности вне нашего сознания и игнорирующие принцип нравственной автономии личности. В работах дореволюционного периода основным объектом критики считает юридический позитивизм («философию легального деспотизма»), согласно которому основа права есть государственная власть, утверждаемая на праве силы. Пола-

гаем, что необходима перестройка науки о государстве, основанная на признании того, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом...» [1, с. 510–511]. В истории человеческой мысли эти нормы эксплицированы, прежде всего, в различных вариантах концепции естественного права и особенно в учениях представителей немецкой классической философии (Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля), из которых П. И. Новгородцев выделяет первого и последнего.

Из учения *Канта* следует, что непреходящей ценностью обладает принцип нравственной автономии (= свободы) личности, предполагающий (согласно так называемому категорическому императиву): каждый человек есть нечто самоценное и цель сама по себе, не допускающая отношения к кому-либо (ни к себе, ни к другим) только как к средству. Власть и право суть необходимые условия человеческой культуры, но только условия, и притом внешние. Цель заключается не в них: «Кант готов даже сказать, что настоящая культура, долженствующая воспитать человека и гражданина, может быть, еще и не началась как следует» [2, с. 218]. По сути, вся человеческая история (по крайней мере, история цивилизации) пронизана противоречием между установками права позитивного и права естественного: право, по идее, *должно быть* справедливым и никогда *не может* стать им вполне; оно должно вечно стремиться к усовершенствованию и никогда не может достигнуть полного совершенства. Идеал лежит в бесконечной дали, а нам дано только приближаться к нему.

Среди законов права есть: 1) законы *естественные*, обязательность которых признается разумом помимо всякого внешнего законодательства; 2) законы *положительные*, которые без действительного внешнего законодательства, т. е. без силового государственного принуждения, не могут быть обязательны. Чтобы сформулировать всеобщий критерий, с помощью которого право отличается от неправа, необходимо оставить эмпирические начала и обратиться к разуму. Положительные законы, действующие в данном месте и в данное время, стало быть, зависящие от социально-исторических обстоятельств, при этом могут служить только приблизительным ориентиром. Нравственный критерий для оценки и критики позитивных норм такой, что существует независимо от фактических условий правообразования, вырабатывается только естественным правом.

Заслуга Гегеля, изложившего свои взгляды на данную проблему прежде всего в «Философии права» (1821), заключается в стремлении преодолеть дуализм, проходящий через все мировоззрение Канта, раскрыть неизбежную и бесспорную связь личности со средой, причем связь эта приобретает у него характер высшей нравственной правды. Свобода лиц, понятая как их право на субъективное определение, только тогда становится настоящей и получает реальное значение, когда они вступают в действительное обладание своим собственным существом, т. е. имеют возможность реализовать себя в социуме, влиться в систему наличных общественных отношений, включая отношения правовые. Государство — это не объект для критики вечно неудовлетворенного и чего-то хотящего субъективного сознания, а форма, в которой воплощается нравственная идея. Это действительность нравственной идеи, это нравственный дух, как проявившаяся и ясная для себя субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и осуществляет то, что она знает.

Гегель придает глубокое значение органическому строению общества, проявляющемуся в развитии общинной и корпоративной жизни. Правительственная власть не просто должна оставлять неприкосновенной органическое устройство общества: в организации самой власти, особенно в законодательной ее функции, должно отражаться органическое строение народа. Глубина и сила государства — в развитии духа общественности. Именно в государстве «совершается непосредственное проникновение частных интересов общими. Эта внутренняя и самобытная жизнь общества обеспечивает государству его нравственный и правомерный характер и создает для власти нормальное и правомерное положение» [2, с. 345].

Под влиянием событий 1905 г. и особенно катастрофы 1917 г. П. И. Новгородцев существенно корректирует свою философско-правовую концепцию. На первое место у него выходит критика *социального утопизма*, будь он социалистического, народнического, анархистского или либерального толка. Всех революционных деятелей, а также поверхностно мыслящих либералов объединяет так называемое интеллигентское сознание, основное свойство которого — «безрелигиозное отщепенство от государства», рационалистический утопизм. И либералы, с их индивидуализмом, и социалисты, с их популистскими лозунгами, стремясь «устроить жизнь по разуму», отрывают ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия.

Рационалистический утопизм есть отрицание связи человека с Богом, есть отпадение человеческого разума от разума Божественного. Причем кризис интеллигентского сознания — это не русское только, а всемирно-историческое явление. Россия своим печальным примером демонстрирует всему цивилизованному миру, к каким разрушительным последствиям приводит отрыв мысли человеческой от своих жизненных корней, ее стремление заново воссоздать из себя самой всю действительность, заменить объективные органические законы своими отвлеченными требованиями.

В новых условиях по-прежнему сохраняют свое значение фундаментальные социально-правовые идеи немецких классиков. Это и кантовское утверждение самоценности каждой человеческой личности, недопущение превращения ее в средство и материал для утопических экспериментов, тот высокий нравственный стандарт, который категорический императив устанавливает для правильной оценки и адекватного осмысления политических, экономических, юридических и иных мероприятий, реализуемых различными властными (или претендующими на власть) органами и структурами. Это и гегелевские идеи о связи общественного порядка с высшими объективными основами истории, о высшем разуме, проходящем через всю историю и ведущем общество через возрастающие противоречия, через борьбу противоположных начал к высшей сложности. Русская революция показала, что неоднократно звучавшие обвинения Гегеля в консерватизме и оправдании любой наличной политической системы безосновательны и вызваны нежеланием понять его принципиальную мысль о том, что сила государства не в тех или иных временных целях, а в той вечной идее, которой оно служит, в его призвании сделать идеал действительностью, дать нравственному закону и личной свободе истинное осуществление.

Лучшее, что есть в сочинениях немецких мыслителей, остается непреходящим завоеванием философско-правовой теории, и оно будет сохраняться, изучаться и переосмысляться и в будущем, сколько еще ни суждено длиться человеческой истории.

Список литературы

1. *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. Кн. 75. М., 1904.
2. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.

А. А. Морозов

(г. Омск)

История в политико-правовой реальности современной России

На протяжении последних двух десятилетий в программах высшего образования становилось меньше исторических учебных дисциплин («История России», «Отечественная история», «История»). На юридических специальностях преподавалась дисциплина «История государства и права России», но это юридическая дисциплина, в рамках которой вся полнота исторической жизни страны не представлена в силу ее цели и задач. И это происходило на фоне постоянного апеллирования к исторической памяти и поисков российской идентичности.

Историческая проблематика приобрела громкое звучание в постсоветской России. Конец 1980-х — начало 1990-х гг. — время переосмысления советского исторического опыта. Большое внимание получили сюжеты, связанные с Революцией 1917 г., гражданской войной, социалистическими преобразованиями, коллективизацией, индустриализацией, массовыми политическими репрессиями. Исследованы и частично опубликованы многие ранее закрытые архивные документы, сформировались альтернативные подходы к рассмотрению истории страны. На этом фоне происходила переоценка достижений и неудач внутри страны, а также роли России (Российской империи, СССР, Российской Федерации) на международной арене. Дискуссии в исторической науке приобрели общественное звучание. Например, общественные споры (больше похожие на перепалки) относительно массовых политических репрессий 1930-х гг. ведутся между теми, кто их вообще отрицает, и теми, кто указывает на их чудовищные масштабы и беспредельную жестокость. И в этих спорах мало рациональности, они чрезвычайно сильно эмоционально окрашены. Отрицателей репрессий не убеждают ни многочисленные архивные документы, ни воспоминания очевидцев, ни даже правительственные документы [1]. В Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий прямо говорится, что «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий». Но уже в момент выхода этой Концепции на нее обрушилась критика. В частности, указывали на ее неактуальность, заключающуюся в том, что в обществе нет запроса на десталинизацию. В качестве доказательства

приводились результаты опроса 2011 г., согласно которому 89,7% граждан России необходимости в «десталинизации» не видят, 69% относятся к ней плохо, а еще 21% — никак. Поддержали же ее лишь около 9% [2]. Честно говоря, аргумент более чем сомнительный. Оценивать необходимость восстановления исторической правды результатами исследования общественного мнения — значит привести нерелевантный аргумент.

Но особенно чувствительной исторической темой стала Великая Отечественная война и в целом участие в ней СССР. Великая Отечественная война приобрела в последние десятилетия для российского народа исключительный символический смысл. Празднование Победы 9 мая 1945 г. стало главным государственным праздником. И это происходило на фоне нарастания напряженности в системе международных отношений. Обсуждение сюжетов Второй мировой войны приобрело политический смысл. Историческое сознание стало полем политического противостояния как внутри страны, так и в отношениях с другими государствами. Появилось огромное количество публикаций, посвященных фальсификации истории, искажающей роль СССР в событиях второй половины 1930 — первой половины 1940-х годов. Так, А. В. Казаков отмечает, что «наибольшую активность в этом плане проявляют представители официальных структур государств Восточной и Центральной Европы, некогда являвшихся союзниками СССР», но при прямом участии США и Евросоюза [3, с. 8–9]. В современных публикациях попытки переоценить роль СССР в событиях Второй мировой войны воспринимаются как элемент идеологической борьбы и геополитического противостояния. Поэтому многие современные авторы прилагают усилия, направленные на выявление политической обусловленности этих попыток, а также установление и обоснование решающей роли СССР в победе над нацизмом [4, с. 15; 5, с. 35]. Но эта проблема вышла далеко за пределы научных дискуссий и общественных споров.

Российское государство также вмешалось в этот процесс. В обновленном варианте Конституции РФ в редакции 2020 г. появилась статья 67.1, в пункте 3 которой говорится, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Но еще в 2014 г. в Уголовный кодекс РФ включена ст. 354¹ «Реабилитация нацизма». Она вполне обоснованно ставит под защиту факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси, дни воинской славы и памятные даты России, связанные с защитой Отечества, символы воинской славы России, память защитников Отече-

ства, честь и достоинство ветерана Великой Отечественной войны. Вместе с тем в п. 1 она устанавливает ответственность за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. И вот в этой части статья серьезно ограничивает обнародование результатов научных исследований, а также их обсуждение на занятиях по истории даже в образовательных организациях высшего образования в случае, если обнаруживаются факты, которыми невозможно гордиться. Здесь закрепляется требование инвариантности результатов исторических исследований. И можно отметить, что постепенно такой подход распространяется и на другие страницы российской истории. В некоторых случаях отрицается возможность плюрализма подходов в освещении тех или иных исторических тем, персонажей, фактов.

На фоне научных и военных столкновений в весьма драматических современных условиях развития российского общества в 2023 г. принято решение о преподавании учебной дисциплины «История России» всем обучающимся в образовательных организациях высшего образования независимо от специальности и направления подготовки. Практически сразу экспертным советом по развитию исторического образования утверждена Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. Целью изучения дисциплины «История России» объявлено формирование общегражданской идентичности российского общества, основанной на знании и понимании процессов, явлений и главных, наиболее значимых для исторической памяти россиян событий отечественной и мировой истории. Предполагается, что основой российской идентичности выступают патриотизм, гордость за Отечество, осознание созидательного характера деятельности Российского государства и народов России. И в этой части все понятно и не вызывает сомнений.

При этом мы не должны забывать, что историческое познание направлено на понимание реальности такой, какая она есть, несмотря на все трудности и препятствия. Способность честно и смело смотреть на факты прошлого позволяет человеку адекватно воспринимать настоящее.

Список источников

1. *Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий* : распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://regnum.ru/article/1958493> (дата обращения: 25.05.2023).

3. Казаков А. В. Фальсификация истории и итогов Великой Отечественной войны как направление деструктивного воздействия на сознание современной российской молодежи // Власть. 2015. № 5.

4. Медведева Л. М. Противостояние фальсификации истории Второй мировой войны в современной российской историографии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1.

5. Газетов В. И., Хоменко В. И. Фальсификация истории — эффективный инструмент деструктивной политической пропаганды // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2023. № 1(96).

А. Г. Филимонов

(г. Омск)

Природа русского государства и демократия

Современное русское государство наследует опыт государственного управления, который в разные этапы развития оказывал огромное влияние как на природу русской государственности, так и на формирование менталитета русского народа и народов, которые вошли в его состав. Этот исторический опыт построения государственности сформировал природу русского общества, которая характерна только для него и, при всей общей схожести с другими народами, определяет особенность его развития. Например, Ю. Пивоваров и А. Фурсов пишут, что «русский мир властентричен. Власть становится условием существования всех и всего. ... Это у них, на Западе, „власть — от народа” (когда-то „от Бога”). У нас „власть — от власти” (было и „от Бога»)» [1, с. 37]. Для русского государства характерны также такие черты, как неразделенность власти и собственности [2, с. 139], моноцентричность [3, с. 72], дистанционность [1, с. 27], этакратизм [4], патернализм [5, с. 50], наличие негласных вертикальных договоров власти и народа [6, с. 15].

Исторический путь развития русского общества сформировал систему общественных отношений, которые имеют качественные отличия от западных социальных отношений. Так, условия хозяйственной деятельности, обусловленные климатом, территорией, сформировали отличный от Запада экономический уклад, раздаточную экономику. Этот тип экономики опирается не на частную собственность и на индивидуальные качества предпринимателя, а на общественно-служебную собственность.

Этот вид собственности имеет два существенных признака, которые ее отличают от частной собственности. Во-первых, права по ее владению распределены между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полном объеме никому, во-вторых, владение ее осуществляется в форме службы [7, с. 21].

В социальной области жизни, в отличие от западных сообществ, социальные группы определялись не экономическими детерминантами, а политическими. Господствующее положение в обществе занимает находящаяся у власти и контролирующая общественно-служебную собственность государственная бюрократия. Большую часть в обществе представляет социальная группа, которая полностью зависима от государства, так как хозяйственную деятельность ведет на основе государственной собственности. Третью немногочисленную группу представляют так называемые «лишние люди» — владельцы частной собственности, которые ведут свое хозяйство на основе рыночных отношений, и их материальный ресурс независим от государства. Если в западном сообществе представители этой группы были «плоть от плоти» системы и выступали двигателем прогресса, то в российском обществе они были нежеланными.

В политической сфере в России сложился авторитарный строй с гипертрофированными полномочиями центральной власти. Вся система отношений не позволяла появиться в Русском государстве представительным органам власти, способным взять часть государственных полномочий в свои руки и обеспечить контроль над исполнительной властью. В России появлялись выборные органы, но с совещательными функциями, работа которых велась на основе общего согласия. Моноцентризм и жесткая вертикаль русской власти радикально отличают ее от западной системы властных отношений, которая строится на плюрализме и разделении ветвей государственной власти.

В духовной сфере на протяжении всей истории прослеживается идеологический диктат государства, который находил свое выражение сначала в православии, затем в марксистско-ленинской идеологии, сегодня — в либерализме.

Все эти процессы, доминирующие многие столетия, не могли не сформировать особую культуру русского народа, его менталитет. Если на Западе был сформирован человек-творец, то в России человек-подданный. Человек-творец — это гражданин государства, который, опираясь на свой экономический уклад, формирует независимую от государства собственную ресурсную базу и, в конце концов, ставит государство под свой контроль, создавая особую политическую систему — демократическую.

Человек-подданный в России не может стать гражданином-творцом, он остается в рамках гражданина-подданного, т. е. полностью зависимого от государства, и его переход в статус частных собственников, экономически свободных от государства субъектов общества резко ограничен. В рамках этих отношений в русском обществе формируется «коллективное подсознательное» со своей системой архетипов, которая не образует личную заинтересованность человека, с учетом собственных интересов, а наследует те укорененные годами отношения, в которых человек поставлен в зависимость от коллектива и государства.

Уход с исторической арены советской социально-политической модели не привел к автоматическому исчезновению всех традиций и обычаев, которыми руководствовался русский, советский человек в своей жизни. Они доминировали над его рациональным выбором и во многом определяли поступки последующих десятилетий в современной российской действительности.

Поэтому прав, по нашему мнению, И. Ильин, пишущий, что человек, не осознающий значимость свободы, не готовый защищать свои права посредством закона, не имеющий возможности честным трудом определять свою хозяйственную самостоятельность, не способный самостоятельно разбираться в партийных программах и не имеющий опыта политической борьбы, не будет готовым реализовать принципы демократического режима в повседневной жизни [8].

Современное российское общество подошло к такому этапу своего развития, когда ему необходима новая социально-политическая модель, реально отражающая степень развития общественных отношений и способная предложить систему институтов, которые были бы не копией западных моделей, а продуктом исторического опыта народов, проживающих в Российском государстве.

Список источников

1. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4.
2. Макаров В. П. «Свой — чужой»: концепт русской власти. // Политическая концептология. 2010. № 2.
3. Глебова И. И. «Дворец»: как реорганизовывалось государство в России // Полития. 2011. № 2(61).
4. URL: <https://studfile.net/preview/7127685/page:42/> (дата обращения: 15.03.2023).
5. Плискевич Н. М. «Особый путь»: мифы, реальность, поиски выхода // Мир России. 2019. № 2.

6. Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции. // Полис. Политические исследования. 2007. № 3.

7. Бессонова О. Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015.

8. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/104.htm> (дата обращения: 19.04.2023).

В. Д. Самойлов

(г. Москва)

Право в системе духовной жизни православных в период Великой Отечественной войны

На счет судьбы своей предай себя вполне промыслу Всемогущего ... Мне 60 лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага государства» [1, с. 1028]. Это обращение генералиссимуса А. В. Суворова, не проигравшего ни одного сражения, к своей дочке Наташе. За свою историю Россия пережила много войн и полна свидетельств о том, как святые благословляли перед сражениями, воины молились перед боем. Часто вера и духовность объединяли русский народ, вдохновляя его на подвиги [2–3].

В частности, архимандрит Александр (Вишняков), священнослужитель, участвовал в Первой Мировой войне, наставлял солдат перед боем, навещал в госпиталях раненых. Когда в районе села Вишневое был убит командир роты, молодой священник поднял над головой крест и повел за собой атакующих. За этот подвиг его наградили Георгиевским крестом. Ему пришлось пережить тюрьму, пытки, голод, но он продолжал служить своей Родине [1, с. 1028].

Самой кровопролитной для страны стала Великая Отечественная война. Под угрозой существования оказался Советский Союз. 22 июня 1941 г. — День Всех святых в земле Российской просиявших, объединивший верующих, посетивших храмы в молитвах и желании победить врага. Церковь утешала верующих в скорби, призывала к трудовой и боевой доблести для защиты Отечества, осуждала дезертиров, приспешников оккупантов [2, с. 46; 4, с. 111].

19 сентября 1941 г. фашисты заняли Киев. Перед этим отец Александр крестил евреев во избежание ими смерти. Фашисты его арестовали, но в силу его харизмы и владения немецким языком отпустили. 28 сентября 1941 г. по городу были развешаны афиши: «Все жида города Киева

и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ)». Александр поддерживал обреченных, но на этот раз фашисты и их прислужники из УНА его арестовали, 6 ноября 1941 г. казнили, сбросив на горящем кресте с обрыва.

Борис Кромаренко протоиерей, единственный из священнослужителей полный кавалер ордена Славы. Он же был награжден двумя медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», боевыми наградами Чехословакии и Польши, в освобождении которых он принимал участие [2–3].

Вклад в победу внесла Наталья Владимировна Малышева (матушка Адриана) — разведчица. В 1941 г. она спасла раненого разведчика, преодолев десятки метров простреливаемой местности. Она 18 раз переходила линию фронта с молитвой. После войны работала в конструкторском бюро С. П. Королева. За боевые заслуги награждена орденами и медалями [5].

В 1942 г. в Одесском Свято-Архангело-Михайловском монастыре инокини помогали раненым: ухаживали за ними, обеспечивали медикаментами и едой. Святая обитель за эту работу получила благодарственную телеграмму от Правительства СССР, а игуменье Анатолии вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2–3].

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) — профессор медицины и духовный писатель, епископ Русской православной церкви, специалист по гнойной хирургии, главный хирург госпиталя № 15/15 (г. Красноярск). На вопрос: «Как же Вы верите в Бога, если Вы его не видели?» он ответил: «Я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил». Святителя Луку наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [4; 6].

По итогам социологических опросов граждан РФ «Левада-Центром» выявлено, что большинство из них (53%) уверены в усилении «веры в Бога и религиозность» с начала XXI в. [7, с. 68–72].

К. Е. Ливанцеву на проводах мать зашила в гимнастерку иконку Божьей Матери. Первое боевое крещение он принял в рукопашном бою при обороне Ленинграда в районе Колпино. Там он был контужен, но после госпиталя вернулся в свою часть. В конце войны участвовал во взятии Кенигсберга [2].

Мой дед, Павел Илларионович Самойлов, до Великой Отечественной войны был ветераном трех войн (Первой Мировой, Гражданской

и Советско-финской). Четвертую войну завершил, участвуя во взятии Кенигсберга. Он представлен к многочисленным наградам [8, с. 76–78, 80, 84].

При посещении Берген-Бельзинского мемориала 5 мая 1993 г. меня, руководителя военной делегации, сын командующего 12-й армией фашистской Германии генерал-полковника танковых войск Вэнка, полковник Вэнк, спросил об отношении к мемориалу. Я обратил его внимание на то, что 50 тысяч умерщвленных в этом концлагере советских людей до плена воевали под пятиконечной звездой, многие из них были православными верующими [9, с. 66–69].

Каждый человек в мире существует для совершенства окружающего его мира (например, человек живет ради совершенства мира, а мир — ради Бога) [10, с. 44]. Человек — уникальное, постоянно меняющееся сочетание биологического (физического) и психического, которое в своем высшем единстве образует сознание, способное мыслить себя, свои и (возможно) божественные деяния [10, с. 114].

В связи с этим лишь к 9 мая 2005 г. в упрощенном порядке гражданами РФ стали около трех тысяч участников Великой Отечественной войны, граждан преданного своими вождями Советского Союза [11, с. 81].

«Исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», «...сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», с конституционно-правовых аспектов Основного закона РФ несомненно, что «умаление подвига народа при защите Отечества не допускается» (чч. 2 и 3 ст. 67 Конституции РФ).

В заключение отметим, что многие священнослужители, монахи и православные люди были участниками Великой Отечественной войны, оказывали духовно-нравственное воздействие, собирали денежные средства, одежду, медикаменты, продовольствие, создавали госпитали, помогали раненым, вели разведку.

Список источников

1. *Самойлов В. Д., Селезнева К. В.* Отцы и дети: цифровые конфликты в России XVIII–XIX вв. (прозаико-поэтический аспект) // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докладов VI всерос. социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. Тюмень, 2020.

2. *Аруева Л. Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : монография. СПб., 2010.

3. *Зоберн В.* Бог и Победа. М., 2014.

4. Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. М., 2013.
5. Короткова Е. Матушка из разведки // Московский комсомолец. 2010. 23 апреля.
6. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Праведный суд народа // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2.
7. Самойлов В. Д. О перспективах института семьи России // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. 2020. № 3.
8. Самойлов В. Д. Институт семьи России (Самойловы-Масловы) : монография. М., 2019.
9. Самойлов В. Д. Взываю к памяти живых: истребление людей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1.
10. Самойлов В. Д. Педагогическая антропология : учебник для студентов вузов. М., 2013.
11. Самойлов В. Д., Прудников А. С. Деятельность Федеральной миграционной службы : учеб. пособие. М., 2007.

М. А. Кожевина

(г. Омск)

История русского права в системе научных ценностей отечественной юриспруденции дореволюционного периода

История русского права как самостоятельное научное направление сложилось в России лишь к середине XIX столетия. Профессор Н. П. Загоскин несколько позже (на рубеже XIX–XX вв.) писал: «Наука истории русского права — наука совсем молодая, не насчитывающая еще и треть четвертой века своего существования... Да вряд ли может идти до конца XVIII века речь и о русской науке правоведения, вообще. Зарождение на Руси юриспруденции — явление позднее...» [1, с. 72–73].

В связи с этим возникает вопрос: когда же и под воздействием каких факторов осознается научная ценность историко-правового здания в имперской России и могла ли эта тенденция получить полноценное развитие в указанное время?

Если исходить из общего понимания ценности как убеждения или предпочтения, т. е. интеллектуально, эмоционально воспринимаемой данности, побуждающей субъекта к ее сохранению, к обладанию ею и деятельности на ее основе, то научная ценность истории русского права будет находиться в прямой зависимости от степени осознания обществом

ценности научного знания как такового, применительно к нашей теме сегмент познания может быть заужен до момента осознания российским обществом ценности юридического научного знания

Становление новой сферы научного знания — сложный многоступенчатый процесс: в начале происходит отграничение юридической научной деятельности от практической юриспруденции, затем — структуризация юридической науки и выделение истории права в самостоятельное направление научного познания, далее в процессе дифференциации научного историко-правового пространства формируются самостоятельные историко-правовые научные дисциплины, среди них история русского права. Указанное неразрывно связано с обособлением предметной области и поиском эффективной методологии познания правовой действительности.

Как правило, новая методологическая модель зарождается в недрах старой, обнажая малую эффективность прежней и слабую ее отзывчивость на меняющуюся общественную жизнь. Так, формирование исторического взгляда на право явилось своеобразной реакцией на определенную ограниченность естественно-правовой теории в объяснении политико-правовых процессов конца XVIII — начала XIX столетий в Европе, а дальнейшем и в России. Историческая парадигма, не отрицающая значения юснатурализма для развития философии права, постепенно становилась наиболее убедительной и была воспринята юридическим научным сообществом как новый прогрессивный вектор научного познания права. Российское правоведение оказалось наиболее восприимчивым к новым веяниям в силу того, что внутренняя правовая политика была ориентирована на универсализацию правового пространства и формирование русской идентичности как гаранта незыблемости самодержавной власти, находящейся в духовном единстве с исторически сложившейся русской нацией.

Таким образом, право ставилось в один ряд с иными духовными ценностями — религией, языком, культурой и т. п. Оно рассматривалось как результат исторического развития народа. Впервые об этом заговорил К. А. Неволин. Его воззрения послужили основой в формировании взгляда на историю права вообще и на историю русского права в частности. Указывая на субъективно-объективное единство исторического развития, он выделял ценное свойство этого единства — его целенаправленность, обуславливающую преемственность в развитии. Ставя право в один ряд с другими социокультурными явлениями общественной жизни, он называл важное качество права — неразрывную, тесную связь

с духовностью, во всей своей совокупности обладающей системным характером [2, с. 122]. В этой системе особое место занимает человек с его жизненным интересом и свободной волей, соотносящейся со «сферами свободы других единиц того же общежития» [1, с. 4]. Именно в этом взаимодействии людей формируется народный дух, положенный в основу исторического развития соответствующего народа и государства.

В этом ракурсе историческое знание о национальном праве рассматривалось в качестве «ключа» к «правильному уразумению существующего права, к разумной критической оценке его» и законодателем, и «интерпретатором, и судьей, и администратором». Особенно законодателем, который, имея представления о прошлом, смог бы «предугадать будущее», чтобы вместо «блага и прогресса не внести в народную жизнь зло и застой [1, с. 11].

Как нам представляется, значимым для современной юридической науки выступает заключение о том, что национальное право — ценность исторически сложившего общества, это важнейший социальный регулятор. Оно не является правом отдельного государства, а представляет результат всей истории правового развития народа, проживавшего длительное время в определенном геополитическом пространстве. Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, история национального русского права не есть история права русского государства. «Хотя русское государство по преимуществу национальное, но оно не обнимает всей русской нации и включает в себя нерусские национальности» [3, с. 16].

Таким образом, историческая методология, являясь соответствующей реакцией политической и юридической общественности на запросы времени, привнесла в отечественную юридическую науку новый ракурс научного познания, определила содержание нового подхода к пониманию права, позволила консолидироваться историко-правовому сообществу, сформировать новое научное направление — историю русского права, обосновать важнейшие требования к законотворчеству и правоприменению, указывая на право как на социокультурную ценность, как на живой исторически меняющийся организм.

Список источников

1. *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Т. 1. Казань, 1899.
2. *Неволин К. А.* Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К. Н. Неволина. Т. 1. СПб., 1857.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисин Андрей Леонидович — заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России доктор философских наук, доцент (г. Москва)

Антипов Алексей Владимирович — научный сотрудник Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук, кандидат философских наук (г. Москва)

Бондаренко Роман Александрович — доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва)

Бурьянов Сергей Анатольевич — доцент департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент

Васечко Вячеслав Юрьевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук (отдел права), доктор философских наук, доцент (г. Екатеринбург)

Воробьева Елена Юрьевна — доцент факультета очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий, кандидат философских наук (г. Омск)

Гаджиев Шахбаз Феликсович — адъюнкт факультета № 3 (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

Даллакян Карен Ашотович — профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор

Денисенко Снежана Валентиновна — доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент

Денисов Сергей Алексеевич — доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Екатеринбург)

Денисов Юрий Петрович — доцент кафедры конституционного и административного права Сибирского юридического университета, кандидат политических наук (г. Омск)

Денисова Любовь Владиленовна — профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Зуева Ольга Владимировна — заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат социологических наук, доцент (г. Москва)

Ивашевский Станислав Леонидович — профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор философских наук, профессор

Исаев Андрей Анатольевич — начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент

Киричѐк Евгений Владимирович — начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Каримзода Умар Карим — начальник кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук (г. Душанбе)

Кожевина Марина Анатольевна — профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Козлов Сергей Валентинович — доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета, кандидат философских наук, доцент

Кононова Виолетта Валерьевна — аспирант Омского государственного университета путей сообщения

Кур Иосиф Николаевич — адъюнкт факультета № 3 (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

Морозов Андрей Анатольевич — доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент

Николаев Константин Дмитриевич — заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Петров Александр Викторович — доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент

Пластун Виктор Юрьевич — преподаватель Омского юридического колледжа

Попов Дмитрий Владимирович — начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент

Руди Амина Шамильевна — профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, доктор философских наук, доцент

Рыболовлева Наталья Сергеевна — старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, профессор (г. Москва)

Самойлов Василий Дмитриевич — корреспондент Вестника Сибирского (Омского) отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук (г. Москва)

Сезонова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат педагогических наук

Синченко Георгий Чонгарович — профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, доктор философских наук, профессор

Третьякова Анна Игоревна — преподаватель кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Филимонов Александр Григорьевич — доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент

Яковлева Лариса Владимировна — главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. БЫТИЙНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Даллакян К. А. Право — мера свободы и справедливости или человечности?	3
Денисов С. А. Задачи философии конституционализма	5
Денисов Ю. П. Ценностные основы государственного управления в Российской Федерации	8
Киричѐк Е. В. Оптимизация понимания сущности человеческого достоинства.	11
Петров А. В. Жизнь, достоинство и свобода человека в контексте христианской аксиологии. Конфессиональный аспект традиционных ценностей	14
Синченко Г. Ч. Доска Пуфендорфа, принцип равноценности жизней и эффект участника пограничной ситуации	17
РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ	
Анисин А. Л. Право как форма духовной жизни.	20
Бурьянов С. А. О необходимости правового закрепления новой парадигмы конституционной свободы совести и принципа мировоззренческого нейтралитета как ее гарантии	23
Исаев А. А. Право человека на духовную безопасность: философские размышления	27
Каримзода У. К. Соотношение права и морали	29
Яковлева Л. В. Уголовное право и религия: черты сходства и различия.	34

РАЗДЕЛ III. ПРАВО, НОРМА, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Антипов А. В. Информационная автономия как основание права на забвение	37
Воробьева Е. Ю. Экзистенциальные вызовы будущего: трансформация права на жизнь	39
Денисова Л. В. Справедливость как метафизическое основание права	42
Кононова В. В. Категория «идентичность» в контексте теории прав человека	43
Попов Д. В. Государство и биополитика: комплементарное отношение и его генезис	47
Руди А. Ш. Ностальгическое в идентичности	52
Третьякова А. И. Информация как фактор неопределенности формирования идентичности человека в условиях глобализации	55

РАЗДЕЛ IV. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА

Гаджиев Ш. Ф. Формирование имиджа как средство проявления профессиональной этики современным преподавателем	59
Денисенко С. В. Профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел на современном этапе	62
Зуева О. В. Морально-этический образ современного российского полицейского: ожидания и реальность	66
Сезонова Т. В. О профессиональной этике судебного эксперта	69

РАЗДЕЛ V. ЭТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бондаренко Р. А. Законодательная база отечественного образования: аксиологический аспект	73
Денисова Л. В., Рыболовлева Н. С. Социально-философские и конституционно-правовые основания развития гражданского общества	75
Ивашевский С. Л. Правовое сознание в интернет-коммуникациях	78
Козлов С. В. Понятие легитимного порядка в концепции М. Вебера	81
Кур И. Н. Конфиденциальность информации как правовая ценность	84
Николаев К. Д. Отражение пространства в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ	87
Пластун В. Ю. Потребительский экстремизм как консьюмеристская практика	89

РАЗДЕЛ VI. ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Васечко В. Ю. Философско-правовое учение П. И. Новгородцева: современное звучание	93
Морозов А. А. История в политико-правовой реальности современной России	97
Филимонов А. Г. Природа русского государства и демократия.	100
Самойлов В. Д. Право в системе духовной жизни православных в период Великой Отечественной войны	103
Кожевина М. А. История русского права в системе научных ценностей отечественной юриспруденции дореволюционного периода.	106
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	109

Научное издание

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

Редактирование и корректура Е. А. Жукова

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 28.09.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 90 экз. Заказ № 238.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7